Убийство на водах

Автор:
Иван Любенко

Убийство на водах

Иван Иванович Любенко

Клим Ардашев #3

Северный Кавказ всегда был очагом смуты для имперской России. Вот и на этот раз присяжный поверенный Ставропольского Окружного Суда Клим Пантелеевич Ардашев, возвращаясь с супругой из Москвы в Кисловодск, стал свидетелем ограбления и череды жестоких курортных убийств. Загадочности преступлениям добавляет то, что все они были предсказаны… пациентом местной психбольницы!

Иван Любенко

Убийство на водах

©Любенко И., текст, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1. Вояж на юг

Кавказский скорый поезд Москва – Кисловодск, покинувший Первопрестольную почти два дня тому назад, подходил к станции Невиномысская. Столь быстрым прибытием пассажиры были обязаны сверхновому паровозу «Прери», разгонявшемуся на отдельных участках до ста верст в час. До недавнего времени такая скорость была мыслима, разве что для аэроплана.

Далеко позади остались перелески Среднерусской равнины, зеленые холмы Воронежа и берега тихого Дона, поросшие буйной травой да одинокими ивами. Им на смену пришла ровная, как столешница, степь. Она уходила далеко за горизонт и терялась где-то за гранью возможностей человеческого зрения. На западе бескрайние просторы стелились до самого Азова, на востоке – до моря Каспийского, на юге касались подножия Кавказских твердынь, а на севере сливались с Приволжской низменностью.

Локомотив летел вперед, словно выпущенная из лука стрела. Чайные ложки уныло дребезжали в пустых стаканах, выбивая несложный ритм в такт аршинным колесам. На красном диване купе первого класса сидела миловидная женщина лет сорока в роскошном сиреневом платье с изящно подвернутыми рукавами в стиле «Crinoline» из последней парижской коллекции «Bechoff David». Дама была всецело поглощена весьма важным занятием – примеряла новую шляпку от «Bertrain», купленную третьего дня в престижном магазине на Арбате. Несмотря на несколько пышные формы, она еще не потеряла былого шарма. Ее высокая грудь, стянутая бюстодержателем – новинкой, пришедшей на смену устаревшему корсету, – волнительно вздымалась, и эти легкие движения невольно приковывали внимание ее спутника, отдыхавшего в мягком кресле напротив.

Солидный господин сорока четырех лет с уже заметной проседью и правильными чертами лица явно любовался своим давним сердечным приобретением. Поигрывая ручкой дорогой трости, он едва заметно улыбнулся. «Слава Всевышнему, что я сделал правильный выбор! – мысленно рассуждал мужчина. – Скромная, благовоспитанная барышня из старого дворянского рода.

Создание милое и кроткое. Сколько лет уж прошло, а ее характер почти не изменился: до сих пор наивна, по-детски обидчива и все так же привлекательна. Да ведь кроме нее у меня и нет настоящих друзей, не считая двух-трех приятелей, без которых невозможно составить компанию за бильярдным или ломберным столом. Да-с… К тому же последнее время я что-то быстро устаю от людей, – грустно подумал он. – Пожалуй, это издержки прежней профессии… А может, нынешней? Кто знает?» Его скучный взгляд скользнул по спящему глазу электрического светильника, красному полированному дереву стенных панелей, узорчатым украшениям потолка и остановился на мелькающих за окном картинах небогатой русской жизни.

Присяжный поверенный Ставропольского окружного суда Клим Пантелеевич Ардашев вместе с женой возвращался из Москвы. Однако путь семейной четы лежал не в родной для Клима Пантелеевича Ставрополь, а в Кисловодск, где Вероника Альбертовна надеялась с помощью кумысно-кефирной диеты навсегда распрощаться с лишними фунтами. Именно поэтому все платья, купленные в столичных магазинах, были на один размер меньше. И как ни убеждал бывший тайный посланник МИДа России свою благоверную покупать наряды по размеру, к его доводам она так и не прислушалась.

Вообще-то сама идея столь необычного маршрута принадлежала исключительно Веронике Альбертовне. Истосковавшись по большим магазинам и модным салонам, жена губернского адвоката жаждала окунуться в былую жизнь великосветской модницы. Можно было, конечно, отправиться и в Петербург, но в таком случае дорога отняла бы лишние сутки. Да и в Москву госпожа Ардашева давно не наведывалась. А уж о том, чтобы провести отпуск за границей, и речи быть не могло. За глаза хватило прошлогоднего круиза по Средиземному морю. Мало того, что шторма донимали, так еще и череда таинственных убийств на «Королеве Ольге» заставила трепетать всю отдыхающую публику. Положа руку на сердце она нисколько не сомневалась, что Клим разгадает замысел коварного злодея и непременно отыщет его. Но все же, согласитесь, приятного мало, когда узнаешь, что заказанный тобой овощной суп уже отравлен, а отведавшая его корабельная крыса смиренно отправилась на небеса. «Нет уж, на этот раз мы будем отдыхать на водах. И причем на наших, – убеждала она супруга. – Тем более что тебя здесь все знают и уважают. А в Карлсбаде или Виши не то что местные жители, но даже заморская прислуга смотрит на русских свысока, хоть и униженно клянчит каждую крону или сантим».

Степной пейзаж как-то незаметно сменился невысокими возвышенностями, густо покрытыми сочной травой. Вымуштрованными жалонёрами смотрелись телеграфные столбы с рядами грачей на проводах. Завиднелась небольшая деревушка с низкими белыми домиками, крытыми камышом. Хатки вросли в землю почти по самые окна и напоминали гигантские шампиньоны. Показался разъезд и сторожка путевого обходчика. Свечкой устремилась в небо водонапорная башня.

Машинист дал длинный гудок, постепенно разросшийся до фортиссимо. Ему тут же ответил рожок стрелочника. Локомотив сбавил ход, выпустил пар, и разноцветный состав степенно причалил к железнодорожной пристани. Звонко ударил сигнальный колокол.

За купейной дверью послышался голос кондуктора:

– Станция Невинномысская! Прошу обедать. Стоянка один час!

– Что ж, дорогая, пожалуй, это неплохая мысль, тем более что ужинать нам придется уже в Кисловодске, – вставая, проронил Ардашев и вместе с женой покинул купе.

На перроне царило оживление, сходное с прибытием митрополита в уездный городишко. Шныряли лоточники с папиросами, сластями и жареными семечками. Суетились носильщики с тележками, груженными парусиновыми баулами и дорогими английскими чемоданами. Запах паровозной гари, смешанный с ароматом южного лета, прочно поселился среди вояжирующей публики. Проводники с медными чайниками в руках уже неслись по дебаркадеру к будке с надписью «кипяток».

Одноэтажное каменное здание вокзала, украшенное лепниной и фигурной резьбой, гостеприимно распахнуло перед пассажирами двери ресторана. Музыкальный ящик «Монопан» умилял слух наивной мелодией. В светлом помещении с толстыми портьерами на окнах и веерными пальмами в кадках вытянулись в шеренгу сервированные столы с салфетками, закрученными в пирамидки. С правого конца, согласно медным табличкам, за белые скатерти усаживались вояжеры первого и второго классов, слева – третьего. Но официанты были одинаково услужливы ко всем гостям. Количество мест заказывалось проводниками по телеграфу еще на предыдущей станции. Правда,

четвертый класс предпочитал довольствоваться скудным буфетным меню: пятикопеечными бутербродами с паюсной икрой, говяжьим языком или куском вареной телятины за четыре гривенника либо птицей по пятьдесят копеек за порцию. Ну а если и это было не по карману, то следовало идти на привокзальную площадь, где смешливые казачки предлагали разнообразную домашнюю снедь за сущие копейки: ароматное копченое сало с молодым чесноком, домашнюю колбасу, жареных цыплят, горшочки с еще не остывшей кашей, пирожки на любой вкус, вяленую воблу, отборную клубнику, спелую черешню, кувшины с молоком, высокие четверти с квасом и пузатые крынки с простоквашей.

При виде ресторанного изобилия мысли о диете у Вероники Альбертовны постыдно спрятались, уступив место благообразному созерцанию представшего перед глазами необъятного кулинарного великолепия: холодная осетрина с белым соусом, соленые грузди, расстегаи с визигой и налимьей печенкой, украинский борщ, кавказский шашлык. Всевозможные вина и водки пестрели разноцветными этикетками ярких цветов и гербов: «Цымлянское», «Барсак», «Моэт», «Шато-лафит», «Смирновская», кизлярский коньяк «Тамазова», пиво «Калинкин». На приставном столике красовались сласти: эклеры, мармеладные розы и шоколадные конфеты фабрики Абрикосова.

Уступив нахлынувшему аппетиту, Ардашевы, как, впрочем, и остальные попутчики, вскоре незаметно перешли к десерту. Официанты в длинных белых фартуках разливали кофе со сливками и подавали чай с лимоном.

Ожидая, пока Вероника Альбертовна расправится со вторым эклером, Клим Пантелеевич рассматривал в большое венское окно слоняющихся по перрону людей.

– Посмотри-ка, дорогая, а вон и доктор Нижегородцев с женой. И судя по всему, они собираются сесть как раз на наш поезд. Уж не на воды ли они собрались?

– Хорошо бы… Ангелина Тихоновна могла бы составить мне неплохую компанию. Мы бы нашли, чем заняться…

– Не сомневаюсь, что это будет пристальное лорнирование скучающей курортной публики, с подсчитыванием замеченных вами бесчисленных адюльтеров.

– А ты разве против?

– Да нет, просто кроме этого увлечения имеется масса не менее интересных занятий, например, чтение.

– Не беспокойся, у меня всегда под рукой «Графиня де Монсоро».

– Насколько я помню, ты уже брала в прошлый круиз эту книгу.

– А разве там было до чтения?

– Ах да! Я запамятовал, ты же проводила собственное расследование!

– Попрошу не язвить, – слегка обиделась супруга.

Адвокат примирительно поднял руки.

– Ну-ну, не злись. – Он вытащил из жилетного кармашка золотую луковицу «Мозера» и щелкнул крышкой. – Поезд отходит через несколько минут, и у нас еще есть время купить свежую газету. Знаешь, за эту неделю я чертовски соскучился по тихой ставропольской жизни. Все-таки в больших городах слишком много ненужной суеты.

В ответ Вероника Альбертовна лишь горько вздохнула, снова предавшись дорогим сердцу воспоминаниям о былом столичном блаженстве. И уже в который раз она мысленно упрекала себя: «И зачем я тогда поддалась на его увещевания и согласилась поселиться в этом захолустном Ставрополе? Разве не мог он заниматься адвокатской практикой в Петербурге? Беспорядки к тому времени уже закончились, и город снова вернулся к нормальной жизни. А что здесь? Тоска, грязь да облезлые ставни на окнах. Словом, мещанско-купеческая патриархальщина. Одно благо – Минеральные Воды близко и до Черноморского побережья рукой подать. Вот и все плюсы».

Оплатив счет, Ардашевы направились к киоску. Клим Пантелеевич купил газету, и они вышли на перрон. Нижегородцевы тоже заметили знакомую пару и неподдельно обрадовались нежданной встрече.

– Позвольте вас приветствовать, – широко и по-доброму улыбнулся врач. – Я слышал, что вы отправились в Москву. А теперь, по всем вероятиям, ожидаете ставропольский поезд?

– Нет, Николай Петрович. Наш маршрут лежит прямиком в Кисловодск. Впереди почти два месяца безмятежного отдыха: пешие прогулки по окрестностям, чудодейственная сила целебного нарзана, кисломолочная диета и чистый горный воздух. Словом, будем жуировать и чувствовать себя настоящими бездельниками.

– Замечательно! Стало быть, нам по пути. Правда, сначала мы решили провести некоторое время в Ессентуках, а лишь потом отдохнуть на Кислых Водах. А позвольте узнать, от каких недугов вы собираетесь избавиться? – доктор уставился на адвоката оловянным взглядом.

– Ну, – Ардашев замялся, – больные кости хотелось бы размять, а то нет-нет да закрутит ноги перед дождем…

– Он особенно жалуется на правую, – уточнила Вероника Альбертовна и запросто добавила: – А я мечтаю сесть на диету и хотя бы приблизиться к тем изящным формам, которые сохранила ваша прелестная Ангелина Тихоновна.

– Ну что вы, Вероника Альбертовна, – не осталась в долгу миловидная шатенка. – Мне еще далеко до идеала. А вы, я должна заметить, прекрасно выглядите! – Тридцатипятилетняя докторша бросила завистливый взгляд на модную шляпку жены присяжного поверенного, и это не укрылось от внимания последней.

– Так вам, батенька, сам бог велел отправиться с нами в Ессентуки. – Нижегородцев поднял вверх указательный палец и с видом гимназического учителя принялся объяснять: – Различные виды ревматизмов, а также поражение суставов бленорройного характера при одновременном применении грязевых ванн, припарок и ессентукских источников лечатся с весьма большим успехом. Нередко туда приезжают на костылях, а возвращаются домой на своих двоих! А как способствует местная вода потере лишнего веса! Известны случаи, когда всего лишь за несколько недель больные теряли более пуда! При этом нужно заметить, что наши воды, в противоположность Карлсбадским и особенно Мариенбадским источникам, не обладают раздражающим действием на кишечник и потому не производят послабления. Кроме того, избавление от

ожирения и ревматизмов в Ессентуках совершается без уменьшения сил больного, поскольку под влиянием целебных солей происходит сгорание излишнего жира и сама жизнедеятельность организма резко повышается. Бледные малокровные барышни, приезжая в Ессентуки…

– По-моему, дорогой, ты увлекся, – вмешалась Ангелина и смерила мужа выразительным взглядом.

– Да-да, простите, заболтался, – врач извинительно взмахнул руками. – Итак, какое же решение вы примите? – поправив на переносице очки, он выжидательно посмотрел на Ардашева.

– Но в Ессентуках мы не заказывали гостиницу, – осторожно заметила Вероника Альбертовна.

– Об этом не извольте беспокоиться. Есть у меня один старинный приятель – заведующий смирительным отделением Хлудовской больницы, мой давний друг – Куприян Савельевич Стильванский. Его жена – родственница самого Трощинского…

– Директора Вод?

– Именно.

– Ему не составит труда помочь нам. Да разве кто посмеет отказать столь известному российскому адвокату?

– Вы, право, Николай Петрович, преувеличиваете мои заслуги.

– Нет уж, дорогой мой. О ваших расследованиях даже парижская «Фигаро» писала. Если я не ошибаюсь, это касалось убийства французских ювелиров, отца и сына… простите, запамятовал…

– Де Лавинь, – подсказал Клим Пантелеевич.

– Да-да.

– Что ж, мы не можем не прислушаться к вашему совету. А какое у вас купе?

– Двенадцатое, – ответил доктор.

– Мы едем во втором классе, – вмешалась Ангелина Тихоновна. – Отсюда до Ессентуков рукой подать, и мы не стали выбрасывать деньги на ветер, – с заметной долей ущемленного самолюбия пояснила она.

– Верное решение! – проявила женскую солидарность жена присяжного поверенного. – Будь я на вашем месте – поступила бы точно так же.

Разговор прервал двойной удар станционного колокола, возвещавшего, что до отправления кавказского скорого осталось ровно две минуты.

– Прошу занимать места, господа, – вежливо напомнил проводник.

Перрон почти опустел. Длинной трелью залился свисток обер-кондуктора, и машинист, будто играющий на кимвалах оркестрант, выпустил шумное облако пара. В тон ему задвигались колеса – сначала медленно и неуверенно, потом – все быстрей и быстрей. Длинная вереница вагонов постепенно превратилась в уходящую темную точку. А над ней продолговатой кляксой повис сизый угольный дым.

Клим Пантелеевич раскрыл купленный на станции свежий «Кавказский край» за 7 июня 1911 года и пробежал глазами по строчкам. На третьей странице он обратил внимание на несколько необычное сообщение, размещенное в колонке «Происшествия»:

Вчера, в одном из номеров гостиницы «Метрополь» с помощью инструмента, известного в воровской среде под названием «балерина», был вскрыт сейф, из которого бесследно исчезли драгоценности, принадлежащие приехавшей из Америки семейной паре. По словам потерпевшей Эмили Браун, сумма похищенного составляет приблизительно сто тысяч долларов США, что по нынешнему курсу иностранных валют эквивалентно 194 000 рублей. Несмотря на столь значительную утрату, вышеупомянутая чета не собирается покидать Ессентуки. Как поведал нашему корреспонденту пострадавший – Николас Браун,

местные источники оказывают исключительно благотворное влияние на состояние его здоровья. Именно по этой причине он и его супруга планируют продолжить лечение. Между тем полиция сразу же приступила к энергичному расследованию. Однако, как нам стало известно, даже привлечение к поискам знаменитой ищейки Молли (спешно доставленной из Пятигорска на моторном экипаже) не дало хоть каких-нибудь значимых результатов. К сожалению, сие происшествие наносит ощутимый ущерб репутации нашего курорта и сводит на нет все старания местной администрации, приложившей немало усилий для рекламы Кавказских Минеральных Вод в заграничных печатных изданиях».

«Ох уж эти американцы! – подумал Ардашев. – Выдержке и самообладанию господина Брауна можно позавидовать. Несмотря ни на что он продолжает лечение! И правильно. В жизни главное – не отступать от намеченной цели. А препятствия, что встречаются на пути, могут лишь замедлить ход ее исполнения, но только и всего. Собственно говоря, такая кража могла случиться где угодно: хоть в Париже, хоть в Лондоне, а может и в Нью-Йорке. Тут уж ничего не поделаешь! «Мектуб кисмет» – как говорят арабы, – мысленно усмехнулся адвокат, – «на все воля Аллаха». Так-то оно так, да вот только готов биться об заклад, что за этой парочкой долго и терпеливо приглядывали. Иначе вряд ли бы преступники смогли так чисто сработать».

Клим Пантелеевич посмотрел в окно. Все яснее проступали горные вершины: Верблюд, Змеиная, Бык, а за ними – Развалка, напоминающая спящего льва. А дальше – у татарского аула Канглы – на голубой простыне неба появилось остроконечное лезвие Кинжала. Однообразие пейзажа нарушали лишь картинные виды Бештау, Машука, да панорамная долина Подкумка с поднимающимися вдалеке вершинами Юцы. Поезд бежал по степи, благоухающей запахами полевых трав и цветов.

Ессентуки встретили пассажиров темной зеленью старого парка и взметнувшимся ввысь куполом церкви Святого угодника Пантелеймона. Сбавив ход, уставший паровоз остановился под ажурной металлической крышей вокзала.

Проходя под тенью высоких лип, Нижегородцев заметил:

– Мы с женой заказали номера в «Метрополе». Вполне уверен, что и вы не откажетесь от столь уютного пристанища. В туристическом агентстве нас

заверили, что номера оснащены по высшему разряду. В них есть все что нужно: водопровод, электрическое освещение, ванные комнаты и даже телефон. Имеется ресторан, бильярдная, музыкальный салон и библиотека. В общем, на сегодняшний день это лучшая гостиница в Ессентуках.

– Значит, так тому и быть, – адвокат отчего-то опять вспомнил расхожую арабскую мудрость. Он повернулся в сторону биржи и махнул рукой. Подъехали два фиакра.

До главного входа в парк фаэтоны домчали быстро. На фасаде роскошного четырехэтажного здания, выстроенного в стиле ампир, пестрело название отеля.

– Приехали, ваше благородие, – молодой услужливый извозчик снял чемоданы.

Из массивных резных дверей выбежали носильщики в черных длинных фартуках и, подхватив багаж с обеих колясок, стали заносить его внутрь помещения.

Клим Пантелеевич достал бумажник, выудил целковый и протянул вознице.

– Уж больно много, барин. Такса обычная – 20 копеек.

– Бери-бери, не стесняйся.

– Благодарю покорнейше. Позвольте вам с поклажей помочь…

Адвокат кивнул в ответ и вместе с супругой проследовал в вестибюль.

Великолепие интерьеров поразило воображение даже много повидавшего на своем веку Клима Пантелеевича. С высокого потолка свисала люстра из чешского хрусталя. Поймав солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь высокие венские окна, она разбивала их на тысячи мелких бликов и разбрасывала свет по паркету, лепным украшениям стен, по классическим колоннам и полированным кофейным столикам.

Усевшись в мягкие кожаные кресла, присяжный поверенный достал коробочку любимого монпансье «Георг Ландрин» и, выбрав прозрачную конфетку, отправил

ее в рот. Между тем Вероника Альбертовна что-то оживленно обсуждала с женой Нижегородцева на соседнем диване. А доктор, между тем, кому-то телефонировал, передавая трубку амбушюра портье.

Не прошло и пяти минут, как чудодейственная сила врачебного братства принесла свои плоды. Лицо Нижегородцева посветлело, как надраенный корабельный колокол.

– Вот, пожалуйста, Клим Пантелеевич, – протягивая длинный ключ на деревянной груше, выговорил доктор. – Так что живите и наслаждайтесь. Мало того, что комната с балконом, так еще и вид живописный – на парк. Но признаюсь честно – без помощи Стильванского не обошлось.

– Надеюсь, Николай Петрович, мне представится возможность отблагодарить вашего приятеля бокалом хорошего французского вина.

– Всенепременно-с. Сделаю все от меня зависящее, чтобы вас познакомить. Куприян Савельевич человек исключительно интересный. И к тому же он, как и вы, литератор. Сотрудничает с местными газетами. По крупицам собирает хронологию последних дней жизни великого Лермонтова. Его можно слушать часами… Ну, да ладно. Я совсем вас заболтал. Давайте лучше пройдем в номера. Вот и горничная нас дожидается.

Постояльцы не спеша поднялись по мраморной лестнице на второй этаж. Проходя по коридору, адвокат обратил внимание на едва заметные карандашные знаки, начертанные на стене: прямоугольник с вертикальной линией, как бы отрезающий от фигуры одну восьмую, под ним еще один, но уже с полукругом, соединяющим верхние углы; напротив первого стояла цифра 29, а внизу – большая галочка. «Если бы не эта лихая завитушка у последней буквы, – машинально рассудил присяжный поверенный, – то эти настенные письмена можно было бы принять за невинное детское баловство. А впрочем, вполне возможно, что это лишь плод моего воспаленного воображения. Интересно, а какой номер у нашей комнаты?»

– Вот и пришли. Это ваша дверь. А мы почти по соседству, – указывая вперед рукой, весело проговорил Нижегородцев.

Ардашев поднял глаза. Прямо перед ним желтым бронзовым цветом отливали две цифры.

– Двадцать девять, – отчего-то вслух произнес он.

2. Перстень с печаткой

Предчувствие близости чего-то нехорошего с самого утра не покидало присяжного поверенного. Вроде бы и привык давно ко всяким неожиданностям, а все равно было как-то не по себе. Повинуясь старой привычке докапываться до истоков появления переживаний, Клим Пантелеевич, понял, что его волновали две вещи: пропажа драгоценностей из сейфа заезжей американской пары и цифра 29 на стене рядом с дверью обслуги.

После легкого завтрака, оставив супругу на попечение Нижегородцевых, адвокат прошел в вестибюль. Портье – молодой человек лет тридцати, с завитыми кверху кончиками усов, – увидев приближающегося постояльца, выжидательно наклонился вперед и вежливо пропел:

– Доброе утро, сударь. Чего желать изволите?

– Видите ли, вчера мне в руки попалась газета, в которой говорилось о краже драгоценностей, случившейся здесь несколькими днями ранее. Скажите, а в каком номере живет пострадавшая американская семья?

– Теперь в 35-м.

– А что значит «теперь»?

Потупив голову, портье смущенно пояснил:

– Раньше они жили в вашем, 29-м номере. Но еще шестого июня, после того как стало известно о краже, господин Запалов – хозяин гостиницы – распорядился предоставить американцам лучшие апартаменты на третьем этаже. – Он поднял глаза, – но вы не волнуйтесь, мы заменили сейф, и в вашей комнате теперь

ничто не напоминает о произошедшем несчастии. А вон, кстати, и они, – полушепотом проговорил служащий и повернул голову в сторону молодой дамы, следовавшей в сопровождении высокого господина лет сорока.

Стройная брюнетка с большими черными глазами, аккуратным носиком и выразительными губами остановила взгляд на присяжном поверенном. «Именно таких красавиц изображают на рекламных буклетах автомобилей Форда» – отчего-то подумал Ардашев. Между тем иностранцы уже приблизились к стойке портье.

– Good morning![1 - Доброе утро (англ.). (Здесь и далее прим. авт.)] – выдавил приветливую улыбку американец и вежливо поклонился в сторону Клима Пантелеевича. Его прелестная спутница, взмахнув длинными ресницами, словно жар-птица крылами, поздоровалась одними глазами.

– Good morning. Glad to meet you here[2 - Доброе утро. Рад с вами познакомиться (англ.).], – скороговоркой, съедая окончания, гортанно произнес Ардашев на диалекте Южных американских штатов.

– Oh! Have you ever been to States?[3 - Вам никогда не доводилось бывать в Штатах? (англ.)] – от удивления иностранец слегка задвигал усами.

– Never. But some years ago I had a deal with your compatriots from San-Francisco. – By the way, my name’s Klim Ardashev. I’m a lawyer[4 - Нет, никогда. Но несколько лет назад у меня были некоторые дела с вашими соотечественниками из Сан-Франциско. Кстати, меня зовут Клим Ардашев. Я адвокат (англ.).].

– Pleased to meet you. I’m Nicolas Brown. Let me introduce my wife Amelia[5 - Очень приятно. Я Николас Браун. Позвольте представить вам мою супругу Эмили (англ.).].

Незнакомка приветливо улыбнулась и чуть слышно проронила:

– Frankly speaking, you’re the first Russian I have ever seen speaking English so properly[6 - Откровенно говоря, мне еще не приходилось встречать русских, так великолепно говорящих на английском (англ.).].

– Thanks a lot, madam[7 - Благодарю вас, мадам (англ.).], – галантно поклонился присяжный поверенный.

– Hope to see you soon[8 - Надеюсь, мы скоро увидимся (англ.).], – с легким замешательством пролепетало очаровательное создание. Взяв мужа под руку, она заторопилась к выходу.

На лестнице послышался легкий женский смех, Ардашев обернулся. Нижегородцев, спускаясь вниз по мраморным ступенькам, веселил жену и Веронику Альбертовну какой-то очередной забавной историей.

– Итак, Клим Пантелеевич, вы готовы отдать себя во власть безжалостных самодвижущихся устройств доктора Цандера? – вопросил врач и, поймав недоуменный взгляд, пояснил: – Система занятий на аппаратах, придуманных моим шведским коллегой, позволяет излечить многие болезненные явления посредством систематических упражнений. Эта лечебная гимнастика применяется при болезнях сердца, нервных расстройствах, искривлениях скелета и ожирении. Более полусотни снарядов приводятся в движение, как силой самого пациента, так и электромотором. Одни устройства копируют езду верхом на лошади, другие – на верблюде, третьи – катание на велосипеде, ну и прочее. А если перед этим воспользоваться услугами массажистки, то добиться положительного эффекта можно намного быстрее. Доктор Эйнгорн – заведующий «Институтом Цандера» – настоятельно рекомендует каждому пациенту до занятий механотерапией выпить не менее трех стаканов из любого источника. Кстати, эти гимнастические тренажеры нашли широкое применение не только в Европе, но и в Америке.

– К физкультуре я всегда относился с уважением. Что ж давайте прогуляемся. Далеко ли до гимнастической залы?

– Нет, Цандеровский институт находится совсем рядом. Но я предлагаю прежде прогуляться по этому великолепному Эдему и только потом перейти к физическим занятиям. Давайте поднимемся немного вверх, доберемся до четвертого источника и затем вернемся обратно.

– Полностью полагаемся на вас, дорогой Николай Петрович, – Вероника Альбертовна послушно, точно ученица перед сэнсэем, сложила лодочкой затянутые в белые перчатки ладони.

Впереди показалась ажурная беседка чугунного литья у знаменитого 17-го источника. К нему примыкала галерея с пристроенным зданием Театр-парка, в котором, судя по расклеенным на тумбах красным афишам, давал концерт Федор Шаляпин.

Отдыхающие, забыв о суете, неторопливо шествовали по дорожкам курортного сада, вдыхая благоухание магнолий, нежный запах роз и аромат ирисов. Где-то далеко играли Моцарта.

– Немного выше находится музыкальный павильон, – объяснил Николай Петрович.

Проследовав по аллее до Николаевских ванн, компания достигла источника № 4. Деревянное здание, украшенное двумя желтыми куполами, приветливо встречало отдыхающих. Отведав целебной воды весьма специфического вкуса, семейные пары пошли в обратном направлении. Нижегородцев хорошо ориентировался в парке и часто менял маршрут, стремясь показать как можно больше достопримечательностей.

Скульптура орла, терзающего змею, невольно заставила приятелей остановиться.

– Великолепное творение, – невольно вырвалось у Ардашева. – А кто автор?

– Скульптор Шодкий, – пояснил доктор. – Это аллегория на тему целебных вод и человеческих болезней.

– Согласитесь, что в этой композиции есть какая-то недосказанность, – задумчиво проронила Вероника Альбертовна, – так до конца и не ясно, кто же все-таки одержал верх. Ведь змее достаточно изловчиться и всего единожды ужалить отважного орла. Мне кажется, что тем самым автор придал композиции скрытый подтекст. Ведь иногда кажется, что недуг вылечили, но в последний момент он, по каким-то совсем необъяснимым причинам, вновь набирает силу, и человек гибнет.

– А ты не находишь, дорогая, что птица уже разделалась со своей добычей? Смотри, ее раскрытые крылья застыли в форме латинской буквы «V» – символа победы. Да и к тому же небесный хищник здесь олицетворяет добро, змея –

зло… А исход вечного противостояния хорошо известен.

– Не знаю, Клим Пантелеевич, – врач остановился в нерешительности. – Пожалуй, в словах Вероники Альбертовны есть рациональное зерно. Изо дня в день мы повторяем одну и ту же азбучную истину о верховенстве добра, но не потому, что так есть на самом деле, а скорее чтобы убедить в этом самих себя. Но, если задуматься, в извечном соперничестве этих двух начал явного лидера так и нет.

– Тут уж позволю, Николай Петрович, с вами решительно не согласиться. Творцом добра является единственно Бог, а зло чинит сам человек, введенный в греховное искушение Сатаной. Таким образом, насколько Господь могущественнее дьявола, настолько и добро сильнее зла.

– Да, с этим не поспоришь, – смиренно согласился доктор.

Чуть поодаль возникло каменное здание соляно-щелочных ванн. Сферический купол со шпилем, колонны с капителями, длинный ряд высоких окон придавали сооружению вид строгой монументальности и величия. Значительно ниже по аллее, у бювета Газа – Пономарева выстроилась небольшая очередь. Скучающие дамы оживились, рассматривая пока еще незнакомые лица вновь прибывших курортников.

Примерно через четверть часа слева выросло небольшое строение в модерновом стиле с изящными контурами арок по фасаду, тремя маковками куполов, ощетинившихся стрельчатыми шпилями. На верху, как раз перед входом, была установлена огромная ваза.

– Вот мы и добрались, – весело проговорил Нижегородцев. – Неспешная прогулка – хорошее начало для занятий механотерапией.

– К тому же она способствует философическим рассуждениям, – внесла свою лепту в беседу молчавшая до поры Ангелина Тихоновна.

– Что ж, как говорится, милости прошу, – доктор открыл дверь и пропустил внутрь своих спутников.

На стене висел отпечатанный типографским способом прейскурант, из которого следовало, что цикл сеансов из десяти тренировок стоил значительно дешевле отдельных занятий.

– И все-таки, дорогая, – Ардашев посмотрел на жену, – давай не будем торопиться и для начала оплатим только сегодняшнее посещение. Стремление заниматься спортом – желание переменчивое.

Супруга рассудительно повела бровями и согласно кивнула.

Клим Пантелеевич выудил из портмоне три рубля и протянул в окошко кассы. Получив два билета, он не удержался от соблазна и заглянул в щелку чуть приоткрытой двери… Ба! Такого ему еще видеть не доводилось! В просторной спортивной зале одновременно занималось человек сорок-пятьдесят. В основном это были тучные мужчины в строгих костюмах и уже немолодые женщины в длинных платьях. Все настолько увлеченно выполняли указания врача, ходившего между гимнастическими аппаратами, что до особ противоположного пола никому не было дела. Механические устройства выглядели необычно. Некоторые из них сами массажировали спину и живот, другие – имитировали подъем в гору, третьи – греблю на лодке, четвертые создавали ощущение скалолазания. Были и такие, которые поколачивали, разминали и даже поглаживали различные участки тела пациентов. Знакомый американец усиленно крутил педали на велоснаряде.

– Фантастика! – воскликнул адвокат.

– Да, – согласился Нижегородцев. – Говорят, этих железных монстров купили на Нижегородской ярмарке за двадцать две тысячи рублей.

– А где же спрятана динамо-машина?

– В подвале.

И в тот самый момент за спиной присяжного поверенного раздался душераздирающий женский крик. Он вылетел откуда-то из глубины помещений с надписью «кабины для массажа». Клим Пантелеевич невольно обернулся. Вероника Альбертовна от неожиданности опешила и укоризненно посмотрела на мужа, как будто бы именно он являлся виновником всего происходящего.

Докторша прилипла к плечу супруга и как ребенок зажмурила от страха глаза. Вдруг в коридор выскочила испуганная медицинская сестра. Увидев людей, она остановилась, закрыла лицо руками и разрыдалась в голос.

Почти сразу из недр залы выплыл толстый и круглый, как пробочный поплавок, господин, уже давно перешагнувший пятидесятилетний рубеж. Его внешность была типичной в середине прошлого века, а теперь выглядела неким анахронизмом. В особенности это касалось густых рыжих усов, плотно сросшихся с бакенбардами, и двойного, гладко выбритого подбородка. Он был одет в темные брюки, синюю сорочку и жилет. Из бокового кармашка свешивалась увесистая золотая цепочка от часов. Черные лакированные туфли из тонкой гладкой кожи издавали едва слышный скрип – верный признак новизны.

– Анфиса, что случилось? – он осторожно взял девушку за локоть.

Отняв руки от заплаканного лица, она указала в сторону массажной комнаты и едва выговорила:

– Савелий Януарьевич, там… убили.

С трудом втискивая массивное тело в узкий коридор, мужчина ринулся в процедурную. Ардашев и Нижегородцев, не сговариваясь, поспешили за ним.

На высокой кушетке, скорее напоминающей стол, вниз лицом лежал человек. Его голова была повернута вправо, глаза открыты, торс оголен, руки согнуты в локтях, до пояса он был накрыт простыней. Из-за мочки правого уха выступала фигурная рукоятка стилета. Острие вошло глубоко, и смерть, судя по всему, была мгновенной. Кровь залила всю правую часть покрывала и густыми вишневыми каплями падала на пол. Внизу образовалась темно-красная лужа размером с обеденную тарелку. На левом мизинце хищно блестела печатка из английского золота. На щитке перстня красовалась латинская буква V. Верхняя одежда убитого – пиджак, галстук и сорочка висели здесь же, на вешалке.

– Боже милосердный! – выдохнул толстяк. От волнения его брюхо заколыхалось, грозя вырвать с мясом жилетные пуговицы.

– Смерть наступила всего несколько минут назад, – сухо и как-то обыденно заметил Нижегородцев. – Лезвие, вероятно, задело мозг…

Тот, кого только что назвали Савелием Януарьевичем, поднял недоуменный взгляд и сипло спросил:

– Вы, позвольте узнать, кто будете?

– Николай Петрович Нижегородцев, практикующий врач. А это – Клим Пантелеевич Ардашев – присяжный поверенный.

– Я – доктор Эйнгорн. Заведую этим павильоном, – с изрядной долей волнения ответил он, и тут же, повернувшись к сестре, добавил: – Вот что, милая, позовите городового и скажите, что здесь произошло убийство. И еще: в зале объявите, что на сегодня все занятия отменяются. Но те, кто купил билеты недавно, пусть сделают отметку у кассира. Это позволит им завтра заниматься бесплатно.

– Что ж, господа, пройдемте. Остальное – дело полиции. – Эйнгорн собирался уже набросить на мертвеца простынь, но Ардашев его остановил:

– Минутку, – адвокат склонился над левой кистью покойного и неожиданно вывернул ее наружу, что-то рассматривая изнутри. Он на миг задумался, а затем отошел в сторону, позволив доктору накрыть труп.

3. Тайная миссия

Из вагона пригородного поезда на освещенный фонарями перрон ессентукского вокзала, вышел долговязый человек в сюртучной паре, в котелке и с английским саквояжем. Серые холодные глаза на выкате, напомаженные донкихотские усы и крючковатый нос обаяния ему не добавляли. Он скорее напоминал злого циркового дрессировщика из детской книжки, который длинным хлыстом безжалостно мучил на арене добрых африканских львов и молодых бенгальских тигров, заставляя и тех и других прыгать через огненные кольца, катать огромные шары и поочередно носиться на спинах обезумевших от страха

несчастных арабских скакунов.

Завидев свободного извозчика, он забрался в коляску и негромко, как это присуще людям, сознающим свою власть, изрек:

– В участок!

– Это мы мигом, ваш-бла-родь! – ответствовал бородатый возница и, дернув за поводья, пустил экипаж по булыжной мостовой.

Помощник начальника пятигорской полиции тридцатисемилетний армейский капитан Вениамин Янович Круше впервые надел на себя мундир стража порядка три года тому назад. Это случилось сразу после успешного окончания краткосрочных курсов при Департаменте полиции. Злые языки говаривали, что бывший пехотный офицер подал рапорт на увольнение из армии после того, как в его роте повесился солдат – в недавнем студент, отчисленный из Петербургского университета.

К новой для себя ипостаси Вениамин Янович отнесся со всей серьезностью и с самых первых дней с головой окунулся в работу. Начальство его усердие ценило, а сослуживцы сторонились. Неразговорчивый, дисциплинированный и очень требовательный службист многих раздражал. Не прошло и года, как полицмейстер вышел в отставку. Освободившееся место занял назначенец из Терского областного полицейского управления, а Круше стал его первым помощником. Несомненно, это была большая удача! Именно здесь находилось Управление Пятигорского отдела Терской области и Управление Кавказских Минеральных Вод. Не столица, конечно, но все-таки и не какой-нибудь там захолустный Кизляр или Моздок.

Без всякого преувеличения можно было сказать, что Вениамин Янович оказался на своем месте. Склонность к основательному анализу любой ситуации, хорошая реакция и личная смелость в его сегодняшней профессии играли немаловажную роль.

Но чего греха таить, и на новой стезе трудностей тьма. Ведь с открытием курортного сезона на воды съезжались не только отдыхающие с прислугой, а еще и бесчисленные врачи, медсестры, модистки, куаферы, сапожники, носильщики, полотеры… Да ладно бы только простой люд – это еще куда ни

шло! – а за ними тянулись так называемые «перелетные скворцы»: «громщики», «марвихеры», «поездушники», «рыболовы», «арапы», «мазурики»… Да разве всех перечислишь? А поскольку в городе сыскное отделение еще не было открыто, то вся работа по розыску преступников легла на плечи четырех человек, главным из которых и был Вениамин Янович.

«Слава богу, хоть террористов повывели», – подумал Круше. Он хорошо помнил обстоятельства циничного убийства сорокалетнего начальника кисловодской полиции. Тогда, как раз под новый 1908 год, два желторотых студента подкараулили штабс-капитана Болдырева у самого входа в Казенный ресторан и хладнокровно расстреляли из двух револьверов. Именно после того теракта власти решительно взялись за обнаглевших революционеров. Одних отправили на виселицу, других – на бессрочную каторгу. «А вот этот сезон поначалу обещал быть спокойным, – продолжал размышлять капитан, – если, конечно, не считать майское самоубийство студента в кисловодском казино, три карманных кражи в Железноводске, да пьяную поножовщину пятигорских армян на свадьбе. Да-с, – грустно вздохнул Вениамин Янович, – вот и поди угадай, сколько времени придется куковать здесь по казенной надобности… Неужели без меня не могли разобраться?»

Действительно, несмотря на наличие в группах собственной полицейской и судебной власти, согласно недавно полученной телеграфной депеше из Владикавказа, пятигорскому полицмейстеру предписывалось отправить в Ессентуки опытного сотрудника, который и должен был возглавить расследование преступления, совершенного в Цандеровском институте.

Проехав по Пантелеймоновской улице до новой Казенной гостиницы, коляска остановилась. Извозчик угодливо вымолвил:

– Вот и приехали ваш-бла-родь.

Пассажир молча высыпал в руку возницы небольшую горсть меди и зашагал к зданию полиции.

У дверей курил городовой. Завидев приближающегося штатского, он несколько развязано спросил:

– А вы по какому делу, господин хороший?

Не произнося ни слова, Круше предъявил полицейскую карточку. Дежурный бросил в урну окурок и, проглотив дым, вытянулся во фронт.

– Пристав на месте?

– Так точно. Разрешите провести?

– Я сам.

Пройдя по темному коридору, он невольно остановился у полуоткрытой двери. В небольшой комнате с зелеными обоями и портретом государя-императора в самом углу стоял потертый турецкий диван времен генерала Ермолова и покосившийся книжный шкаф с кипами толстых, перетянутых бечевкой канцелярских папок. Их было так много, что некоторые лежали прямо на полу. У противоположной стены выстроились в ряд сверкающие черным лаком пять новых венских стульев. А посередине этого скромного помещения величественно располагался массивный, с резными ножками, письменный стол, над которым склонился главный станичный полицейский пристав – штабс-ротмистр Унтилов. Ворот его мундира был расстегнут. Он что-то увлеченно вычерчивал карандашом на листке почтовой бумаги, а в пепельнице из черепашьего панциря догорала забытая папироса. Синий дым клубился вверх, медленно проплывал под потолком, и, повиснув ненадолго над зеленым абажуром фотогеновой лампы, бесследно исчезал в черном квадрате распахнутого окна.

– Позволите? – заходя в комнату, вежливо поинтересовался Круше.

– Здравия желаю, господин капитан, – станичный пристав поднялся, торопливо застегивая левой рукой ворот кителя.

Сняв перчатки, Круше протянул руку:

– Ну, здравствуйте, Константин Аркадьевич.

Ответив на рукопожатие, Унтилов заметил:

– Вы, я вижу, с дороги. Я сейчас прикажу перекусить чего-нибудь…

– По поводу еды не беспокойтесь. Я не голоден, а вот от стакана чая не откажусь.

Пристав понимающе кивнул, скрылся за дверью, и, дав указание городовому, вернулся. Пододвинув гостю стул, он спросил:

– А вы где остановились, Вениамин Янович?

– Пока нигде. Решил прямиком с вокзала к вам нагрянуть. Думаю, наверняка господин штабс-ротмистр по старой армейской привычке все еще на работе. И вот, как вижу, не ошибся.

– Так ничего другого не остается. А с размещением проблем не будет, – доставая из шкафа чашки с блюдцами, сахарницу и небольшую фарфоровую вазочку с разноцветной карамелью, проговорил хозяин кабинета. – Я поселю вас в «Москве» – это меблированные комнаты неподалеку.

– Вот и чудесно. Вы, наверное, догадались, что послан я сюда как раз для расследования убийства в гимнастической зале этого… как его…

– Цандеровского института механотерапии, – пришел на выручку коллега.

– Да-да, будь он трижды неладен! А кто погибший?

– По документам – Савелий Макарович Изюмов, купец из Варшавы. Приехал сюда недели две назад. Как выяснилось, не так давно он сорвал солидный куш в «железку» на даче Кавериной.

– Он жил там?

– Нет, поселился он на квартире, а в пансионат иногда наведывался для игры. Там вечерами собирается азартная публика. Нам об этом хорошо известно, но пока мы смотрим на это сквозь пальцы.

– Да и не только вы. Такая ситуация складывается по всем группам. Будь моя воля, я бы все эти картежные салоны запретил. Туда жулье слетается, как

мошкара на газовый рожок.

– Полностью с вами согласен. Но, к сожалению, начальство считает, что привлекать отдыхающих на курорт следует любыми средствами и даже азартными играми.

– Вот-вот. А госпожа Грановская-Калмыкова собирается, под сурдинку, в Ессентуках публичный дом открывать. Видимо, одного кисловодского «красного фонаря» ей уже мало…

– Слишком уж предприимчивая особа! – тяжело вздохнул полицейский. – Даром что женщина. Казино с мюзик-холлом, дом терпимости, семь дач; и в каждой – девочки, карты, ресторан… несмотря на то, что официально азартная игра разрешена только в «Мавритании». Пробовали мы к ней подступиться – да что проку! – покровители слишком высокие. Это и понятно – дама привлекательная, правда, не особенно счастливая – мужья окочуриваются, как пчелы на морозе. Ходят слухи, что последнее время господин Трощинский оказывает ей слишком почтительные знаки внимания. Ну да ладно, Константин Аркадьевич, давайте вернемся к покойному Изюмову. Орудие преступления у вас?

– К сожалению, нет. Я его передал судебному следователю. У меня остался только протокол осмотра и фотографическая карточка, – штабс-ротмистр выдвинул ящик стола и протянул гостю синюю папку. – Вот он, этот самый кинжал.

Неслышно появился дежурный. Наполнив стаканы, он оставил в комнате два чайника и так же бесшумно удалился.

– Да, вещица знатная. – Круше углубился в чтение следственного документа: «Стилет. Стальное кованое лезвие; ручка украшена серебром. Общая длина кинжала – 6,02 вершка; длина клинка – 3,14 вершка. С обеих сторон тело клинка украшено травленым орнаментом с изображением головы Медузы горгоны. Клинок стальной, четырехгранный. Крестовина короткая, с закругленными концами. Рукоять посеребренная, цельнолитая, выполнена в виде миниатюрной скульптуры двух кавалеров и дамы; имеет надпись: «Morte el nemico», что означает – «Смерть врагу моему».

Помощник пятигорского полицмейстера оторвал взгляд от протокола, сделал несколько глотков горячего, как расплавленный свинец, чая, и, крякнув от удовольствия, осведомился:

– А что дал обыск?

– Личных вещей у погибшего было совсем немного… так, бельишко, рубашки да пара мужских французских журналов. По нашей картотеке он не проходит. Но запрос в Варшаву я отправил. К тому же и родственников его следует уведомить, чтобы выехали.

– А свидетели что говорят?

– Ничего интересного. – Пристав усмехнулся, вспомнив бессвязные причитания медицинской сестры да формальные объяснения заносчивого доктора Эйнгорна, сводимые к одним отрицаниям: «Не видел, не знаю, не помню…» Даже туманная надежда на отпечатки пальцев и та растаяла вместе с легким облачком серебряной пыли, возникшей от движения кисти эксперта, которого прикомандировали к участку только на время курортного сезона. – Сестра пояснила, что, как обычно, она провела пациента в массажный кабинет и ненадолго вышла. Через три-четыре минуты она вернулась и увидела, что за ухом у него воткнут нож, а с кушетки капает кровь. Дамочка сразу же стала звать на помощь. Вот и все. А доктор прибежал уже на ее крик. Вместе с ним зашли еще два человека: врач Нижегородцев из Ставрополя и присяжный поверенный тамошнего окружного суда Ардашев.

– Клим Пантелеевич? – полицейский удивленно вскинул голову.

– Не помню точно имени отчества, но, по-моему, так он и представился.

– А он как тут оказался?

Унтилов рассеянно заморгал глазами, не совсем понимая причину удивления коллеги.

– Лечится. Прибыл вместе с женой. Проживает в «Метрополе», как и доктор. Азарий Саввич на всякий случай отобрал у них объяснения.

– Кто, простите?

– Боголепов – наш судебный следователь. А вообще-то этот Ардашев с первых минут показался мне подозрительным типом, – задумчиво проронил бывший командир эскадрона, – уж очень он интересовался, какие вещи были обнаружены при обыске номера убитого. Да все карту в руках вертел…

– Что-что? – встрепенулся капитан.

– Ах да, простите, Вениамин Янович, запамятовал. У покойного во внутреннем кармане лежала карта. Азарий Саввич по доброте душевной разрешил ее адвокату осмотреть. Так он ее разве что на зуб не попробовал; и на свет рассматривал и ладонью по ней водил. Да вот она, – пристав открыл ящик стола, порылся в нем и выудил ничем не примечательную червовую десятку.

– Позволите? – капитан взял со стола лупу, принялся исследовать цветной прямоугольник. – Ничего особенного не вижу. На «зеркальную»[9 - Зеркальная карта, или «зеркалка» (жарг.) – карта, не входящая в колоду, но имеющая точно такой же крап; полируется материей до зеркального блеска. В нужный момент она вытаскивается из левого рукава и кладется вниз. Таким образом, держа колоду в левой руке и сдавая карты, можно видеть их отражение. Чаще всего этот прием используется во время игры в «Двадцать одно».] не похожа и для «своей»[10 - Своя (жарг.) – карта погружается в поташ, затем выносится на холод и там сохнет. В результате она становится плотной и упругой, а также совсем немного увеличивается в размерах, что, между тем, почти незаметно. По виду «своя» ничем не отличается от остальной колоды. В нужный момент, например, перед снятием, шулер незаметно запускает ее в колоду. «Фофан» перед раздачей невольно сдвигает колоду как раз по «своей» – что и было необходимо, т. к. под ней уже заготовленные при тасовке нужные карты.] не сгодится, потому как с золотым срезом.

– Такая колода стоит два с полтиной. В основном они поставляются к высочайшему двору.

– Это так, но и в магазинах их немало, – Круше в задумчивости поднял глаза к потолку, – вот только понять не могу: зачем он ее при себе держал?

– А если это был его талисман? Такая, знаете ли, счастливая карта. Игроки ведь суеверны! Вот и адвокат тогда тоже задумался… А если откровенно, то странный он какой-то: сам себе на уме. И уж больно этим делом заинтересовался. Я ненароком подумал, что, может быть, Ардашев знал раньше Изюмова. Допустим, тот мог быть его клиентом или знакомым?

– Нет-нет. Тут другое дело – спортивный интерес, если хотите. – Круше поднялся, подошел к открытому окну, резко развернулся на одних каблуках и горячо выпалил: – Этот присяжный поверенный довольно известная личность. Хотите – верьте, хотите – нет, а на сегодняшний день он не проиграл ни одного процесса. А все потому, что берется защищать лишь тех подсудимых, в чьей невиновности он абсолютно уверен. Способ его работы оригинален – найти истинного злодея и оправдать тем самым подзащитного. Здорово, а?! – Он немного помолчал и добавил: – Скорее всего, его заинтересовало само преступление, и вполне вероятно, у него уже есть кой-какие соображения. Да вот только знать бы, что он обо всем этом думает!

– Мы, собственно, можем его вызвать вполне официально, – неуверенно выговорил Унтилов.

– Ах, дорогой мой, Константин Аркадьевич! Да как же вы будете его увещевать? Мол, уважаемый Клим Пантелеевич, окажите властям содействие в расследовании загадочного убийства, поскольку у господ полицейских на этот счет не имеется никаких соображений, так, что ли?

Пристав молча потянулся к пачке «Суворов» и вежливо предложил гостю:

– Прошу вас.

– Спасибо, но я привык к своим, – Круше выудил из кармана оксидированный портсигар и достал папиросу. – «Гильзы «Колью», – процитировал он рекламу, – делают курение совершенно безвредным, потому что внутри находится вата, задерживающая вредные смолы».

Услужливо чиркнув спичкой, штабс-ротмистр предложил:

– А что, если установить за адвокатом негласное наблюдение: с кем общается, куда ходит, кому звонит…

Круше поморщился.

– Нет, это не пойдет. Хотя, наверное, с портье «Метрополя» стоит переговорить. Ну и на телефонной станции «барышням» отслеживать его вызовы большой трудности не составит. А я, пожалуй, попробую завести с ним дружбу. – Он весело посмотрел на собеседника. – Так что придется вам делать вид, что вы со мною незнакомы. Ну, а ваши городовые меня и так не знают, за исключением сегодняшнего дежурного. Стало быть, на этом и порешим – следствие я буду проводить инкогнито, выдавая себя за отдыхающего… ну, положим, за недавно овдовевшего пехотного капитана, который, потеряв жену, с горя вышел в отставку. Посмотрим, какой с этого будет толк. А с вами, Константин Аркадьевич, и следователем этим…

– Боголеповым…

– Да, – кивнул головой капитан, – я бы встретился здесь в это же самое время, этак денька через три-четыре, скажем, 15-го, в четверг. Возможно, к этому времени мне удастся что-нибудь накопать. И еще: вы уж постарайтесь поселить меня так, чтобы в «Москве» ни сном ни духом не ведали, кто я на самом деле.

– Слушаюсь, господин капитан. Все сделаю – комар носа не подточит.

– А как продвигается дело с кражей у американцев?

– Мы провели несколько обысков у барыг, но результат пока нулевой, – развел руками штабс-ротмистр.

– А с Матушкиным по душам не беседовали?

– Как же! Лично в Кисловодск ездил! «Готов, – говорит, – поклясться перед Святым Евангелием и Крестом Животворящим, что мои люди к этому делу никакого касательства не имеют».

– Сдается мне, что нет ему резона комедию разыгрывать. Ведь стоит нам захотеть, и от всей его «империи» камня на камне не останется. И он это прекрасно понимает.

– Это уж точно, – согласно кивнул Унтилов. – Еще стаканчик?

– Давай, Константин Аркадьевич, наливай. Чаек-то, вижу, Споровский?

– Только его и признаю. А может, по-гусарски?

– Можно и по-гусарски, только в резвый галоп не переходи, а то знаю я вас, кавалеристов…

Кряжистые раскидистые липы и тонкие барышни-березки шелестели ветками на ветру, слушая через распахнутое окно неторопливый разговор двух отставных армейских офицеров. Доливая в стаканы крепкий гавайский ром, они до самого утра вспоминали былую юнкерскую молодость и строевую службу в дальних, забытых богом гарнизонах.

4. Завтрак с Шаляпиным

Курортная жизнь начиналась рано. Проснувшись, по обыкновению, в шесть часов, Ардашевы шли в парк пить воду. От бюветов неспешно добирались до эстрады, где ежедневно в семь утра начинал играть местный симфонический оркестр. Завтракать предпочитали в кафе неподалеку. Ближе к восьми туда же подтягивались и засони Нижегородцевы. И потому пятый столик на шесть мест, как правило, был абонирован только на четверых. Два свободных стула почти всегда пустовали, однако ближе к девяти от посетителей уже не было отбоя.

Вот и сегодня, покончив с яйцом пашот и семгой под соусом бешамель, все ждали, когда к десерту подадут кофе. За неимением других новостей компания вяло обсуждала прочитанную доктором новость о приближении к Солнцу странствующей кометы Энке. Эта ужасная космическая путешественница имела диаметр в 500 тысяч верст и по форме напоминала обычную тарелку. Узнав, что до ожидаемой встречи светила с незваной гостьей оставалось менее месяца, Вероника Альбертовна горестно покачала головой выразив тем самым неподдельное беспокойство о будущем Галактики. Ее тревога невольно передалась и Ангелине Тихоновне, глубокомысленно изрекшей стандартный в таких случаях вопрос типа: «А что же теперь с нами будет?» – оставшийся,

впрочем, без ответа. А ремарка Клима Пантелеевича, что диаметр Земли намного меньше размера непонятного блуждающего объекта (всего-навсего 12 тысяч верст) и подавно привела представительниц лучшей половины человечества в уныние.

Тяжело вздохнув, Вероника Альбертовна обреченно потянулась за вторым розовым зефиром, мысленно ругая себя за опрометчиво купленные наряды на размер меньше. Пошла уже вторая неделя их отдыха, а лишние фунты так и не собирались убавляться, и новомодные платья, блузы и кофточки, призванные ловить на себе завистливые взгляды скучающей публики, едва налазили на ее располневший стан, или, в лучшем случае, грозили разойтись по швам при первом же неловком движении. «А тут еще и этот конец света!» – мысленно расстроилась супруга присяжного поверенного.

Сонно прошелестев газетой, доктор вдруг встрепенулся и, оборотившись к своему приятелю, вымолвил дрогнувшим от волнения голосом:

– А вот эта статейка под заголовком «Таинственная карта», пожалуй, не может вас не заинтересовать. Вот послушайте:

«Как нам стало известно из надежных источников, во внутреннем кармане летнего сюртука варшавского купца, убитого на прошлой неделе в Цандеровском институте, была обнаружена червовая десятка. Возможно, упомянутый факт никоим образом и не должен был бы привлечь наше внимание, если бы не найденная в его чемодане целая колода из пятидесяти двух карт. Непонятно, для какой цели убитый носил с собой эту единственную карту. Жаль, что представитель судебного следствия в грубой форме отказал нашему корреспонденту прокомментировать сей загадочный факт. Такая недальновидная позиция чиновников, призванных оберегать покой достопочтенных граждан, не только наносит ущерб престижу судебно-следственных органов, но и в полной мере игнорирует озабоченность общественности по поводу случившегося. А между тем все «водяное общество» находится в некоторой ажитации, опасаясь, как бы череда преступлений, начавшаяся с ограбления американской семейной пары и последующим загадочным смертоубийством варшавского негоцианта, не продолжилась вновь.

Гирша Эйдельман».

Нижегородцев замолк, выжидательно глядя на Ардашева поверх очков.

– Да, – кивнул адвокат, – так и есть – червовая десятка, но не простая, а с золотым обрезом, то есть из глазетной колоды.

– Однако вы об этом мне ничего не говорили, – обиженным тоном выговорил доктор.

– Да разве это стоит того? Ну, карта, десятка… И что? Да и вообще, дорогой Николай Петрович, не забывайте, что мы с вами находимся на отдыхе. И нам нет никакого дела до всякой уголовщины.

– Кажется, к нам хотят кого-то подсадить, – прошептала Ангелина Тихоновна. И действительно, высокий тощий господин с орлиным носом в сопровождении официанта направлялся прямо к столу.

– Дозволите? – вежливо поинтересовался незнакомец. – Мне сказали, что у вас свободно.

– Конечно-конечно, садитесь, – гостеприимно пригласил Ардашев.

– Благодарю, – кивнул мужчина. – Поскольку вам придется терпеть мое общество, то разрешите отрекомендоваться: Вениамин Янович Круше, капитан от инфантерии в отставке.

– Вероника Альбертовна – супруга Клима Пантелеевича Ардашева, – начал знакомство доктор. – Ангелина Тихоновна – моя жена. А меня зовут Николай Петрович Нижегородцев. Я практикующий врач, а Клим Пантелеевич – адвокат.

– Позвольте, – привстал от удивления Круше, – а вы случаем не тот самый Ардашев, раскрывший тайну Мадагаскарского клада? Не так давно об этом писали все газеты.

– Он самый и есть! – гордо ответил доктор. – Наш русский Шерлок Холмс, не проигравший ни одного дела!

– Ну, Николай Петрович, – смутился Ардашев, – куда хватил! Прежде всего, я – присяжный поверенный, а расследования… они лишь способ защиты моих клиентов. Что ж до судебных побед, – он поднял глаза, – просто мне везет чаще, чем другим.

– И все-таки разрешите выразить мое искреннее почтение, – Круше протянул руку. – Для меня большая честь находиться с вами за одним столом.

– Да что вы… не стоит, – смутился Клим Пантелеевич, скромно ответив на рукопожатие.

– Смотрите! Шаляпин! – чуть не вскрикнула Вероника Альбертовна. – Надо же! Он идет к нам!

Высокий человек без шляпы, в светлом костюме и с черным французским бульдогом на поводке приближался аршинными шагами. Публика, заинтригованная появлением «золотого баса России», оживленно переговаривалась и с нескрываемым любопытством рассматривала мировую знаменитость.

Перед новым гостем в один миг возникли приборы, которые Круше так еще и не получил. Выдвинув стул, официант, словно крепостной лакей, ожидал, пока важный барин соблаговолит сесть. Подойдя к столу, корифей оперной сцены склонил голову в сторону Ангелины Тихоновны и любезно осведомился:

– Надеюсь, я не очень помешал вашему разговору? Вы позволите мне оккупировать этот стул?

Польщенная вниманием дама покраснела, точно гимназистка, и тут же смущенно пролепетала:

– Мы были бы очень рады… Федор Иванович…

Нижегородцев, взявший на себя роль церемониймейстера, поочередно представил присутствующих.

– Приятно оказаться в обществе столь интересных людей, – простодушно заметил певец, и в этот самый момент откуда-то снизу раздался лай. – А это Мазилка, – хозяин потрепал пса за ухом, – мой верный четвероногий друг. Очевидно, обиделся, что я его не отрекомендовал. – На кожаном ошейнике бульдога красовалась пробка от «Ессентуков № 17». Улыбнувшись, Шаляпин сказал: – Да вот хоть и наградил его «медалью», а он все равно местную водичку не жалует. Так нос и воротит.

Вновь показался официант, и, заняв выжидательную позу, осведомился:

– А вам, Федор Иванович, как обычно: кофе по-турецки, рокфор и яйца «с душком-с»?

– Пожалуй, парочку я бы съел, – заметив слегка недоуменный взгляд Вероники Альбертовны, солист императорского театра пояснил: – Советую вам, мои дорогие соотечественники, попробовать сие замечательное блюдо. Иной скажет, что в приготовлении яиц вкрутую уже невозможно придумать ничего нового. Не верьте! И здесь есть один замечательный рецепт: сварите яйца, а потом, не дав остыть, закопайте их в землю и выдержите ночь. За это время они приобретут неповторимый аромат. Советую попробовать. Кстати, здесь их готовят таким способом специально для меня.

Появился официант с подносом.

– Да, любезный, чуть не забыл. А Мазилке принеси сырой говядины; только порежь помельче. А то он прошлый раз от жадности чуть не подавился. – Федор Иванович щелкнул луковицей карманных часов и вновь убрал их. На его лице появилась едва заметная улыбка. – Странные дела происходят в Ессентуках. Второго дня гулял по парку и обнаружил, что у меня стащили хронометр. Как? Кто? Когда? Ума не приложу! Ведь лежали в жилетке, а цепочка была надета на пуговицу. Огорчился я поначалу. Вечером концерт, а настроения – никакого. Вернулся на дачу, открываю дверь, и что же вы думаете? На столе лежит мой «Брегет», а рядом записка: «Покорнейше просим прощения, господин Шаляпин. Часики возвращаем. Желаем здравствовать».

– Выходит, есть и у русских воришек благородство, – заметил Нижегородцев.

– У них единственно оно и присутствует, – оживился артист. – И в этом опять-таки повинна неизведанная тайна русской души. Ну не поверю я – хоть убей! – чтобы какой-нибудь портовый биндюжник в Марселе, Нью-Йорке или Лондоне вот так бы запросто отдал краденое назад!

– А я думаю, что все зависит от того, кто приказал этому карманнику вернуть «трофей», – расправляясь с розовым кусочком поджаренной ветчины, изрек Круше. – Не секрет, что воровской мир чрезвычайно иерархичен. Есть и там свои «царьки». Да ведь почитайте господина Крестовского и все поймете.

– Может и так, – Ардашев внимательно посмотрел на собеседника. – Только ведь от этого ничего не изменилось – «Брегет» на месте. Что ж, разрешите откланяться, господа. – Клим Пантелеевич поднялся.

– Дорогой Федор Иванович, – проворковала Ангелина Тихоновна, – мы просто очарованы вашим присутствием. И я надеюсь, что вы и дальше будете радовать нас своим прекрасным пением.

– Честь имею кланяться, мадам, – склонив голову в вежливом поклоне, певец бесцеремонно рассматривал неотразимую шатенку.

– Желаю приятного аппетита, – попрощался доктор, не замечая пристального внимания знаменитости к жене.

Оставив звезду сцены в обществе бывшего пехотного капитана и верного Мазилки, Ардашевы и Нижегородцевы направились вниз по аллее. Ангелина Тихоновна шла молча, невпопад отвечая на вопросы мужа, и совсем не вдавалась в суть беседы. Ее мысли находились еще там, рядом с королем оперы. Она чувствовала, как у нее пылают щеки и волнительно вздымается грудь при одной только мысли о возможности оказаться совсем близко с этим огромным, точно каменный утес, мужчиной с сильными руками и жгучим, как огонь молнии, взглядом, проникающим до самого сердца.

5. Червовый валет

Отдыхающая в Ессентуках публика была чрезвычайно пестра и разнообразна. Иногда попадались такие экземпляры, что Ардашеву, как начинающему литератору, безумно хотелось немедленно достать лист бумаги и зарисовать на память несколько особенно колоритных персонажей. Вот, например, навстречу степенно шествует одетая по давно прошедшей моде немолодая помещичья пара из какой-нибудь дальней – может, Костромской, а может, и Вятской – губернии, а за ними – принаряженная особа с розовым зонтиком от солнца и пятилетним баловнем, скорчившим рожицу поравнявшемуся с ними священнику. Щеголи-жигало, благочинные отцы семейства, прожигатели наследства, небогатые земские врачи, артистки, хористки и не имеющие права на замужество классные дамы женских гимназий… На воды съезжались и алчущие быстрой любви одинокие кавалеры, жадные до грошовых ощущений, и побежденные прозой уездной жизни растолстевшие сорокалетние маменьки.

Небольшой выбор развлечений и однообразная вечерняя скука способствовали сиюминутным знакомствам. Вот и Вероника Альбертовна нашла общий язык с семейной парой из Казани. Частые случайные встречи в парке у бювета и совместные занятия в Цандеровском институте привели к тому, что компания, состоящая прежде из четырех человек, разрослась до шести. Правда, Осип Осипович Варяжский – вечный титулярный советник с желтым, как выцветший дагерротип, лицом – повышенной разговорчивостью не отличался. Большую часть времени служащий губернского правления отмалчивался, слушая либо лекции Нижегородцева о пользе щелочных лепешек, либо рассуждения Клима Пантелеевича по поводу модных нынче протестных направлений в русской литературе. Не в пример мужу, его двадцативосьмилетняя жена, как трясогузка, щебетала без умолку, восхищаясь то несусветно дорогими нарядами мадам Ардашевой, то глубиной энциклопедических познаний присяжного поверенного. В этом мезальянсе шестидесятитрехлетнего чиновника и жизнерадостной, слегка взбалмошной красавицы было что-то странное и даже неестественное. Создавалось впечатление, что покладистый Осип Осипович был счастлив уже оттого, что, находясь рядом с женой, мог греться в теплых лучах ее обаяния.

Единственной особой, не испытывавшей удовольствия от общения с новыми спутниками, была Ангелина Нижегородцева. Очаровательная и раскованная блондинка Аделаида Варяжская всецело овладела симпатиями мужской половины, проявляя во всем почти детскую непосредственность. И, кажется, случись ей замешкаться при переходе ручья или широкой лужи, то доктор или адвокат, не раздумывая, подхватили бы ее на руки. Сравнивая этих двух женщин, можно было сказать, что привлекательная внешность мадам Нижегородцевой, подобно сентябрьской розе, носила лишь прелестный

отпечаток недавнего лета, тогда как миловидное личико Аделаиды дышало свежестью весны. Словом, всеобщее почитание, к которому привыкла томная ставропольская шатенка, постепенно растворилось в задорном хохоте беловолосой соперницы из Поволжья. Как бы там ни было, но при общении с новоявленной Афродитой докторше приходилось выдавливать из себя натянутую улыбку и демонстрировать холодную учтивость.

Именно неугомонная Аделаида, снедаемая страстью к приключениям, придумывала разнообразные экскурсии по местным достопримечательностям, которых, в сущности, было не так уж и много. По ее инициативе была покорена гора Железная. Одолев высоту и вдосталь налюбовавшись окрестностями, дружная команда путешественников с наслаждением отведала шашлыка из молодого карачаевского барашка, приготовленного в небольшом ресторанчике. А уже на следующий день были наняты две линейки, которые доставили курортников в соседнюю немецкую колонию, славившуюся ароматным красным вином.

Вылазки на природу продолжались. «Долина очарования», Капельный источник, гора «Свистун», пасека Старицкого – перечень всех тех мест, куда чуть ли не ежедневно отправлялись три семейные пары. А когда список неизведанных райских уголков вокруг Ессентуков был исчерпан, Аделаида начала заговорщицки шептаться с доктором, отчего последний заметно повеселел и громогласно озвучил новую идею – посетить одно неприметное «уютное местечко», где по слухам велась азартная игра. Ардашев – постоянный партнер Нижегородцева по преферансу – с удовольствием присоединился к предложению, и только Осип Осипович – заядлый курильщик, страдающий хроническим бронхитом, – прокашлял в ответ что-то не очень одобрительное, но и он в конце концов капитулировал.

Не прошло и двух часов после упомянутого разговора, как три одноконных экипажа, миновав Пантелеймоновскую улицу, домчали гостей к даче-пансиону Кавериной – элитному картежному заведению, напоминающему собой пароход, заброшенный шальной волной на сушу. Трехэтажная, на восемнадцать номеров кирпично-деревянная громадина строилась с претензией на оригинальность. Во флигеле располагались четырех– и пятикомнатные квартиры с собственной кухней. Электрическое освещение, водопровод, ванные, отделанные мрамором, читальня и прекрасный сад с диковинными, привезенными из Сухума пальмами, инжиром, китайским лимонником и плетущейся актинидией создавали ощущение райского уголка, затерянного среди равнины, очерченной по

периметру стеной тысячелетних гор. Но не эти блага современной цивилизации и даже не хваленый архиерейский пирог, приготовляемый специально выписанным из московской ресторации поваром, влекли сюда осоловевшее от солено-щелочной воды общество. Всех манила игра, которая велась за плотно задернутыми портьерами при ярком свете электрических ламп, упрятанных в зеленые абажуры. Официального разрешения на открытие карточного клуба не было, и потому все обставлялось как частная инициатива самих отдыхающих. Мол, собрался народ партийку раскинуть – так чего же им запрещать.

Привратник, выряженный в старомодный фрак, проводил господ в залу, где уже собралось достаточное количество народу. В большой комнате, оббитой темно-красным дама, собралось десятка три игроков. Мелькали черные фраки, золотые эполеты, открытые плечи нарядных платьев, украшенных сверкающими брильянтами, и несколько новомодных пиджачных костюмов английского покроя. Ломберные столы прямоугольной формы с выдвижными ящичками по бокам уже были заняты. За каждым сидели по две пары, увлеченные бостоном. Чуть поодаль – два круглых стола. Один был пуст, а за вторым уже набралось человек десять. Там царила «железная дорога», известная за границей как chemin de fer. Судя по внушительной стопке банковских билетов, играли по-крупному. Банковал высокий молодой человек в темно-синем костюме с длинными, как у пианиста, пальцами. Отточенными движениями он сдавал карты господину с пышными усами, восседавшему по соседству с хорошенькой брюнеткой.

– Смотри, Клим, – оживилась Вероника Альбертовна. – По-моему, я уже видела эту парочку.

– Ты права. Это наши американские гости – мистер и миссис Браун. Если все дороги ведут в Рим, то в Ессентуках, видимо, они сходятся на этой даче. Что ж, пожалуй, этот стол ждал именно нас. – Ардашев повернулся к друзьям, предлагая сесть.

Компания удобно расположилась за круглым пристанищем. Прямо по центру красовался массивный бронзовый подсвечник, помнивший, вероятно, еще пушкинского Германна из «Пиковой дамы».

– Надо же, – изумился Николай Петрович, – до чего же в стародавние времена все было приспособлено для удобства игрока! Тут тебе и крючочки для щеточек, и углубление для мела в основании подсвечника, и отделение для отыгранных

карт…

– Да уж, умели делать, – согласился Осип Осипович.

– Позволите поучаствовать? – из-за колонны показалась узнаваемая долговязая фигура. – Осмелюсь напомнить, меня зовут Вениамин Янович Круше.

– Окажите почтение! – приветливо улыбнулся Нижегородцев. – Однако мы собрались побаловаться «железкой». Не возражаете?

– Признаюсь – сам грешен. Люблю, знаете ли, иной раз банчок метнуть.

– Вот и славно, – заключил Ардашев. – Пора и приступать. Итак, вместе с дамами нас семеро.

– А я думаю, восемь, – раздался знакомый бархатный голос.

– Федор Иванович? – изумилась Ангелина Тихоновна. – И вы здесь?

– А что ж я, по-вашему, не человек? Есть и у меня пагубная страстишка. – Шаляпин плюхнулся на стул и оказался между Ангелиной Тихоновной и Климом Пантелеевичем. – Ох, и устал я от этих соленых ключей! Водичка, не спорю, штука полезная, да уж больно скучно!..

– А вы отправляйтесь с нами на экскурсии, – вмешалась в разговор Вероника Альбертовна. – Наш замечательный проводник – она глазами указала на Аделаиду – покажет вам не один Эдемский сад, а сразу несколько.

Переведя взгляд на блондинку, Федор Иванович рассеянно вымолвил:

– Не имею чести быть знакомым…

– Ах да, простите, – пришел на выручку словоохотливый доктор, – Аделаида Александровна Варяжская – супруга Осип Осиповича, – он указал на соседа. – Прошу любить и жаловать.

– Позвольте, сударь, сделать вам комплимент, – певец повернулся к титулярному советнику, – у вас замечательный вкус. Как жаль, что я не обладаю способностью передавать милое женское очарование на холсте с помощью кисти и красок, как это удается моему другу Репину!

Осип Осипович хотел что-то сказать в ответ, но лишь глухо закашлялся. За столом возникло неловкое молчание, которое нарушил сам же Шаляпин:

– Положа руку на сердце, я совсем недавно позволил себе снова взяться за карты. Лет десять тому назад со мной случилось одно забавное кипроко.
В поезде, по дороге из Ставрополя в Москву, я попался на удочку шулеров. Два приличных с виду господина уговорили меня попытать счастья в «три туза». Я и не заметил, как вся наличность, полученная мною от ставропольского концерта, незаметно перекочевала в их карманы. Поверьте, было жутко обидно.

– Да, этих «умельцев» не так-то просто распознать, – поддержал разговор Клим Пантелеевич. – Ну, что ж, господа, пора начинать.

Как-то незаметно за столом набралось двенадцать человек. Среди них оказался важного вида господин с усами и бородкой клинышком – Егор Тимофеевич Сандалов, представившийся служащим Волжского коммерческого банка. Рядом с ним – этакий живчик – человек с бритым актерским лицом, назвавшийся Ананием Парамоновичем Заславским. Он оказался довольно значительной фигурой – возглавлял санкт-петербургские «Биржевые новости». Далее, по часовой стрелке, за столом расположилась еще одна супружеская пара, будто сошедшая с бессмертных тургеневских страниц и одетая по старой моде. Валентина Карповна и Константин Моисеевич Фейцингер, наверное, уже отметили серебряную годовщину бракосочетания. Судя по их сундучным нарядам, они приехали из какого-то провинциального уездного городка, где за последние сто лет ничего не изменилось. По всем вероятиям, там, как и прежде, гудели вечерами самоварные трубы под старыми яблонями, слышалось умиротворенное мычание буренок, и на закате переливчатыми аккордами заходилась тульская гармоника.

На серебряном подносе подали двенадцать колод. Заславский распечатал их и выложил в одну большую стопку. Затем перетасовал и поместил на длинный лоток. Потянули на старшую. Жребий пал на него. Началась игра. Послышался отрывистый приглушенный говор: «ставлю десять», «повышаю», «прикуп», «ставлю пятьдесят», «заметано», «вскрываюсь»… Больше всех счастливилось

банкомету. Рядом с его серебряной табачницей возвышалась солидная стопка купюр. Когда партия закончилась, расстроенный Шаляпин приказал принести дюжину новых колод. И вторая талия осталась за редактором газеты, и третья… Не желая расстраивать игроков, Заславский бросил лакею золотой и, вежливо откланявшись, поднялся. Совсем скоро везунчик уже сидел за дальним столом, расточая любезности американке, довольно сносно осваивавшей азы русского карточного жаргона. Но и там, судя по его довольному лицу, удача продолжала баловать редактора. Через некоторое время он вернулся, что-то рассеянно ища глазами.

– Извините, господа, я потерял свою табакерку, – неуверенно произнес он.

Фейцингер оглядел зеленую поверхность стола и пожал плечами:

– Верно, оставили где-то…

– Может, она ненароком упала? – предположила Ангелина и заглянула под стол. – Ну, конечно! – она подала серебряную коробочку с выгравированным орлом на крышке – эмблемой Кавказских Минеральных Вод.

– Благодарю вас, мадам. Позвольте пожелать, чтобы фортуна была к вам благосклонна, – преклонив голову в признательном поклоне, Заславский проследовал к новым знакомым.

Постепенно удача стала проявлять интерес и к присяжному поверенному. Он не только отыгрался, но и прибавил несколько «красненьких». И в этом не было ничего удивительного, потому что принципы, которым следовал Ардашев, рано или поздно приводили его к успеху. А проигрыш, если и случался, то был весьма незначительным. Каждое правило, придуманное адвокатом, в отдельности было чрезвычайно простым и незамысловатым, но все вместе они составляли весьма надежное средство для достижения положительного результата. Прежде всего Клим Пантелеевич уделял внимание душевному настрою, с которым садился играть. Внутри себя он пытался отыскать предчувствие грядущего везения. И если в глубине души поселилось хоть маленькое сомнение – он за стол не садился. А уж если и приступал к игре, то пытался прежде всего взвесить способности партнеров. Ставки он делал последним, избегая негативного влияния опоздавших. Да и принимался Ардашев за «железку» преимущественно тогда, когда количество игроков было значительным, а следовательно, и

партия – длиннее. Это позволяло лучше изучить игру и выбрать верную тактику. Банк же он повышал только в том случае, если его шансы достигали самой высокой вероятности. Но, даже почувствовав вкус победы, адвокат никогда не зарывался: стоило ему трижды подряд обмануться, как он тут же оставлял карты. «Что ж, – успокаивал себя в таких случаях Клим Пантелеевич, – предоставим фортуне возможность навестить меня в другой раз».

Вечер тек тихо и спокойно, как и должно быть на отдыхе. Народ коротал время за столиками и у буфетной стойки. Ближе к полуночи дамам игра наскучила, и некоторые из них – Аделаида Варяжская, Ангелина Нижегородцева и Вероника Ардашева – мило беседовали сидя на мягких креслах и диванах. Перед ними красовалась бутылка «Аи», шоколад «Миньон» и ваза с золотистыми гроздями винограда.

За карточным столом рядом с Ардашевым сменились игроки. Появилась милая американская парочка и тот самый высокий молодой человек в темно-синем пиджаке, которого адвокат заметил еще в самом начале. Представившись графом Орловским, он вытянул счастливый жребий и начал метать. Только вот Шаляпин сидел понурый – сегодня был не его день. Но очень скоро переменчивая фортуна изменила и присяжному поверенному. После того как молодой граф трижды подряд забрал банк, Клим Пантелеевич оставил игру и решил подышать свежим воздухом.

Пока меняли колоды, граф поднялся из-за стола и прошел к буфетной стойке. Ардашев отчетливо видел, как он достал табакерку и вдохнул душистую смесь. Вдруг он неестественно затрясся, захрипел, схватился за горло двумя руками, будто ему накинули на шею удавку, и опустился на колени. Мужчина рухнул набок, и у него изо рта пошла кровавая пена. Тело несчастного трепетало в судорогах. Раздались крики: «Доктора! Доктора!» Схватив со стола початую бутылку «Нарзана», Нижегородцев в ту же секунду ринулся на помощь. Он пытался заставить бедолагу сделать несколько глотков, но тот вдруг резко дернулся и замер. Приложив два пальца к шее графа, врач сокрушенно изрек:

– Он мертв.

– Верно, удар хватил, – заметил кто-то.

– Такой молодой и разрыв сердца, – скорбно вымолвила Ангелина Тихоновна.

Аделаиде Варяжской сделалось плохо. Заботливый муж усадил даму в кресло, отпаивал водой и обмахивал носовым платком.

– Послушайте, Николай Петрович, – обратился к доктору Ардашев, – сдается мне, что его отравили. И яд, скорее всего, вот в этой табакерке. Кстати, точно такие я видел в «Магазине Прокофьева», что в курортном парке, – развернув носовой платок, он продемонстрировал поднятую им серебряную табачницу с орлом на крышке. В ней белел какой-то порошок, похожий на сахарную пудру.

– Да-с, жалко графа, – печально заметил стоящий позади него Круше.

Присяжный поверенный резко развернулся.

– Он такой же граф, как я – Иоанн Креститель. Это карточный шулер.

– Не может быть! – удивленно воскликнул Фейцингер.

Клим Пантелеевич пожал плечами, сел на корточки, отвернул левый рукав пиджака покойника и продемонстрировал пришитый к подкладке специальный мешочек. В нем оказалось четыре разномастных девятки. Толпа ахнула и еще теснее обступила тело.

– Так что же вы молчали? – недоуменно приподняв брови, проговорил Шаляпин.

– Видите ли, карточный обман – уголовное преступление, и, согласно уложению о наказаниях, оно относится к одному из видов мошенничества. Для того чтобы придать жулика суду, надобно иметь доказательства, подтверждающие, что он действительно совершил подлог. Необходимо также и наличие жертвы, то есть потерпевшего. А на данный момент, как вы изволили видеть, он еще не успел воспользоваться ни одной из заготовленных девяток. Так что и привлекать его к ответственности пока было не за что.

В залу вошли санитары. Они накрыли покойника простыней и положили на носилки.

– Смотрите! – закричал кто-то.

Под трупом лежал червовый валет.

– Ну вот, – усмехнулся Ардашев, открывая коробочку монпансье, – еще одна «случайность».

Круше раскрыл носовой платок, взял карту за ребро и аккуратно положил внутрь:

– С золотым обрезом. Опять из глазетной… – Он спохватился, понимая, что выдал себя. Повернувшись в сторону присяжного поверенного, тут же успокоился – Клим Пантелеевич, погруженный в собственные размышления, вкушал очередную сладкую конфетку, и, казалось, полностью отрешился от происходящего. Капитан уже облегченно выдохнул, как вдруг адвокат тихо изрек:

– К чему этот театр, господин полицейский? Не теряйте времени и отберите объяснения у всех присутствующих. Убийца, несомненно, здесь. Он нервничает и, вполне возможно, выдаст себя. А уж потом проведите лабораторный анализ содержимого табакерки, – он протянул ее сыщику. – Там, очевидно, кокаин и какой-то яд, по виду похож на стрихнин.

– Благодарю вас, Клим Пантелеевич. А за невинный обман простите – такая уж у меня работа.

Гости заведения тут же смекнули, что встреча с властями им не сулит ничего хорошего. Они уже направились к выходу, как у дверей им преградил путь Круше.

– Я – полицейский, – громогласно заявил он, вытаскивая карточку-удостоверение. – До приезда следователя прошу всех оставаться в помещении.

Народ опешил. Тихо переговариваясь, публика покорно отпрянул назад. Нескольким, особенно впечатлительным дамам стало дурно. Заботливые кавалеры вывели их на веранду и там отпаивали шампанским.

Молодая луна, будто испугавшись еще одной людской смерти, набросила на себя одеяло из перистых облаков, и над курортным городом нависла зловещая

чернильная темень.

6. На месте происшествия

Азарий Саввич Боголепов сладко причмокивал во сне, по-детски подложив ладони под щеку. Снилась судебному следователю первого участка недавняя свидетельница по делу о предумышленном убийстве. Строгая классная дама местной женской гимназии, проживающая по соседству с изобличенным недавно душегубом, пригрезилась в образе певички из кафешантана. Она кривлялась, трясла пышной грудью, задирала длинные – как опоры Эйфелевой башни – ноги в черных чулках и показывала розовый язык. Не знала грешница, что предусмотрительный Азарий Саввич заранее купил ее приватный танец в отдельном кабинете. Вот и причмокивал теперь пятидесятилетний холостяк, предвкушая сладкую «расправу» над бесстыдницей. Неожиданно пошел дождь, сразу же сменившийся градом. Куски льда величиной с яблоко рассыпались по сцене и убили артистов. Их бездыханные тела застыли в игровых позах. Но на трупах почему-то не было крови. «Видать, не только крышу пробило, но и стекла, – предположил следователь. – Слава богу, я дома ставни затворил, – успокоил себя во сне Боголепов. – А по убиенным комедиантам надо бы протокол осмотра места происшествия составить», – деловито рассудил чиновник и вдруг понял, что обещанного t?te-a-t?te танца со «строгой проказницей» уже не будет. И от этого ему стало так обидно, что из одного глаза на подушку выкатилась крупная слеза. А град все не прекращался, и настойчиво тарабанил по деревянным отливам…

– Ваше благородие! Азарий Саввич! Проснитесь!

Разомкнув сонные веки, следователь поднялся с кровати, прошлепал босыми ногами в сени, отворил дверь:

– Кто там?! – сердито спросил он.

Из-за угла казенной хаты показался городовой.

– Это я – Хомяков. Ваше благородие, господин пристав велели за вами послать. На даче Кавериной, похоже, смертоубийство. Вас только и дожидаются.

– Ох ты, Господи! Ну и лето нынче выдалось! – в сердцах выговорил чиновник. – Ты погоди, я быстро.

Ополоснув под умывальником лицо, Боголепов облачился в темно-синий мундир, уложил на лысину спиралью единственную прядь и придавил ее форменной фуражкой. Прихватив видавший виды кожаный портфель, он вышел на улицу.

Извозчик домчал следователя к даче за каких-нибудь десять минут. Проворно соскочив с подножки, он направился в залитую электрическим светом комнату. Стоявшие у входа старинные напольные часы показывали половину второго. Посетители, изрядно уставшие от томительного ожидания, давали свидетельские показания и торопливо уходили. Их объяснения принимали два человека – станичный пристав Унтилов и незнакомый Боголепову худосочный господин с орлиным носом, напомаженными усами и глазами навыкате. Гостей карточного притона почти не осталось, за исключением Ардашева и Нижегородцева, уже отправивших своих жен в гостиницу.

Заметив появление следователя, штабс-ротмистр что-то проговорил незнакомцу. Тот встал и представился:

– Капитан Круше, Вениамин Янович, помощник начальника пятигорской полиции, командирован Владикавказским управлением.

Следователь выдавил кислую улыбку:

– Боголепов Азарий Саввич. – Он окинул взглядом комнату. – Городовой сообщил мне, что здесь произошло смертоубийство. А где же труп?

– Я распорядился его убрать. Скоропостижно скончался один из игроков. Мы лишь предполагаем, что его отравили. Находящийся здесь доктор, – он кивнул в сторону Нижегородцева, – оказался свидетелем мучительной смерти погибшего. И по его словам налицо были все признаки интоксикации. Однако точный вывод мы сможем сделать только после вскрытия. У нас имеется его табакерка с каким-то порошком. Скорее всего, в нем содержится яд.

– Но ведь бывают яды и медленного действия, а следственно, он мог попасть в организм и ранее.

– Может быть, и так, – согласился капитан. – Однако под телом мы нашли вот это, – он вынул из кармана носовой платок и раскрыл его, на белой отутюженной материи лежал червовый валет.

– Еще одна карта? – чуть слышно прошептал взволнованный следователь.

– Именно.

– Уж и не знаю, что и думать. Прямо черная метка какая-то!

– Только на этот раз ее оставили уже после злодейства, – заметил Унтилов.

– Так ведь и в Цандеровском институте червовую десятку могли сунуть в пиджак жертвы после убийства, – вмешался в разговор Ардашев.

Следователь нахмурил брови:

– А вас, господин адвокат, я попрошу не вмешиваться. Если вы уже дали объяснение, то мы вас более не задерживаем.

Присяжный поверенный пожал плечами:

– Как скажете, любезный…

– Что?! Да как вы смеете ко мне так обращаться! – задыхаясь от негодования, просвистел следователь, тряся поросячьими щеками. – Я вам не «любезный»! Нашли здесь полового!

– Вы зря обижаетесь, – спокойно парировал Ардашев. – Я хотел сказать любезный Азарий Саввич. Только и всего!

– Вы! Вы! – чиновник сделал полшага вперед и грозно затряс указательным пальцем, – прекратите надо мной издеваться!

– Господа, прошу успокоиться, – примирительно развел в стороны руки пристав. – Видите ли, Азарий Саввич, адвокат Ардашев согласился нам помочь в расследовании этих двух убийств. И мне кажется, что он совершенно прав, утверждая, что эти два злодейства связаны между собой и совершены одним и тем же лицом.

– А позвольте полюбопытствовать, на каком основании вам удалось прийти к такому умозаключению? – не унимался Боголепов.

Тут уже не удержался Ардашев:

– В Цандеровском институте был убит шулер, замешанный также в краже драгоценностей из того самого номера, где я сейчас проживаю. В его пиджаке была обнаружена червовая десятка из достаточно редкой глазетной колоды. Следовательно, такая карта не могла быть использована в игре, а значит, ее подбросили. И сегодня жертвой преступления также явился карточный мошенник, о чем свидетельствует потаенный карман на подкладке его рукава. И под ним был найден червовый валет с аналогичным золотым обрезом.

Теперь пришла очередь удивляться станичному приставу:

– Но откуда вам известно, что покойный на самом деле был аферистом, а не купцом? Ведь еще не пришел ответ из Варшавы…

– Уже получили, – упавшим голосом обронил Боголепов. – Депеша поступила поздним вечером по телеграфу. Действительно, никакой он не Изюмов, а судимый за карточное мошенничество жулик-гастролер Збигнев Полонский. В довершение ко всему он находился в розыске по подозрению в краже 50 тысяч рублей у барона Сталя в Воронеже.

Глядя на изумленные лица полицейских, присяжный поверенный проговорил:

– Ну, хорошо, я объясню. Видите ли, в тот самый день, когда я прочитал о краже драгоценностей в местной газете, нас с доктором поселили в «Метрополе». Идя по коридору, я обратил внимание, на довольно странную группу знаков, нацарапанную карандашом: прямоугольник с вертикальной линией, проходящей примерно по 1/8 его длины, под ним еще один, но уже с дужкой по верхним углам; напротив первого стояла цифра 29, а внизу – галочка. В принципе эти

художества можно было принять за детскую мазню, но меня смутила лихая завитушка у этой самой буквы V. Уж очень она напоминала некий росчерк, исполненный рукой взрослого человека. Я стал думать, что же могли означать те самые знаки? Ну, например, прямоугольник с полем? – адвокат обратил свой взор на полицейских.

– Не знаю, – пожал плечами Круше, – возможно, лист бумаги или свернутая газета?

– Банкнота, – невозмутимо заключил Боголепов, – а прямоугольник с дужкой означает замок, то есть сейф; цифра 29 – номер комнаты в «Метрополе», где жили те самые американцы, у которых похитили драгоценности. Я это прекрасно помню, поскольку сам составлял протокол. А галочка – латинское V – знак виктории, сиречь победы.

– Браво! – зааплодировал Ардашев. – Так вот: перстень с точно такой же буквой V и завитушкой я заметил на левом мизинце того самого убитого «купца». Все это говорит о том, что именно с помощью этой, с позволения сказать, настенной живописи, преступник оставил послание другим членам шайки, чем они и не преминули воспользоваться. Иными словами, группа мошенников может находиться в одной игорной, жить в той же гостинице, но делать вид, что они абсолютно незнакомы. И доказать обратное почти невозможно, так как они общаются друг с другом только языком символов.

– И все-таки я не могу понять, как вы догадались, что он карточный жулик, а не торговец? – не мог успокоиться штабс-ротмистр.

– Все дело в том, что внутренняя сторона перстня – кольцо – было отполировано до зеркального блеска. Обычно это делают «артисты зеленого поля», которые таким образом ухитряются подсматривать карты при сдаче. У простого человека эта часть, как правило, имеет множество царапин и оттого выглядит более тускло, нежели сама печатка.

– М-да, – Круше покачал головой, – как все просто! Что ж, придется отрабатывать весь список. – Он посмотрел в блокнот. – В момент убийства (если, конечно, это было действительно убийство) кроме меня здесь находилось 32 человека. Отнимаем вас, Клим Пантелеевич, вашу жену, доктора с женой и господина Шаляпина – получается 27. Плюс пять человек прислуги – снова

выходит 32. Откровенно говоря, весьма слабое утешение.

– Надобно дождаться результатов вскрытия и лабораторного исследования содержимого табакерки. А вдруг и с отпечатками пальцев на карте повезет? – Азарий Саввич на миг задумался и тут же сам себе ответил: – Хотя злодей сможет легко отвертеться в суде. Карта, да еще и в игорном клубе… Да мало ли где он мог до нее дотронуться!

– Не скажите, – парировал Круше. – Валет-то не простой, а из глазетной колоды. А таковых, как я только что выяснил, сегодня на столы не клали. Так что подождем-с, господа, подождем-с! Надеюсь, скоро все прояснится.

Полицейские, словно гончие, почуявшие близость скорой добычи, нехотя потянулись к выходу. Следом за ними помещение покинул присяжный поверенный с доктором. Лакеи, сняв фраки, облачились в длинные фартуки и превратились в самых обыкновенных полотеров.

Хозяйка гостиницы – госпожа Каверина – в этот вечер так и не появилась.

7. Странная новость

– Вот и пришли, – произнес Нижегородцев, указывая Ардашеву на желтую вывеску «Кофейня», выполненную арабской вязью.

Подождав, пока со стульев смахнут пыль, двое мужчин расположились за столиком небольшого уличного кафе по Верхней Курсовой улице. Однако не только желание вкусить ароматного заморского напитка вынудило товарищей оставить дома жен и отправиться коротать время под тенью раскидистой липы. Еще вчера вечером портье пригласил Николая Петровича к телефонному аппарату. В трубке послышался взволнованный голос его приятеля – Куприяна Стильванского. Заведующему отделением для умалишенных Хлудовской больницы зачем-то понадобилось срочно увидеться с Ардашевым. Встретиться условились в полдень у этой самой кофейни. Кисловодский эскулап просил, чтобы кроме адвоката и ставропольского коллеги больше никого не было. Не желая обидеть Веронику Альбертовну, Клим Пантелеевич посоветовал ей вместе

с Ангелиной Тихоновной посетить выставку жемчуга, открывшуюся второго дня в ессентукском парке. Предложение мужа встретило положительный отклик, и дамы отправились опустошать кошельки мужей. Их третья подруга – Аделаида Варяжская – никак не могла прийти в себя после ночных событий в карточном клубе и уже два дня не выходила из номера, жалуясь на дикие приступы мигрени.

До назначенного рандеву оставалось немногим более четверти часа. Подали две крохотных чашечки. Ардашев сделал маленький глоток и возмущенно покачал головой:

– Нет, это не кофе по-арабски. Эй, человек! – подозвал он официанта.

Одетый в белую поварскую куртку мужчина лет тридцати трех тотчас же возник перед посетителями.

– Скажите, а каким образом вы готовите этот напиток.

– Варим в турке на песке. Примус у нас имеется…

– Я спрашиваю – как варите?

Он виновато пожал плечами, наморщил лоб и ответил:

– Да просто: засыпаем молотый кофе, кладем две чайные ложки сахара, добавляем воду. Чуть-чуть не доведя до кипения, снимаем и подаем.

– В таком случае извольте писать в меню, что вы готовите кофе по-турецки, а не по-арабски, – недовольно заметил присяжный поверенный.

– Покорнейше прошу извинить, ваше благородие. А не могли бы вы объяснить, в чем именно заключается приготовление кофе по-арабски? – хитро сощурился расчесанный на прямой пробор прислужник.

– Извольте. Во-первых, для этого надобно выбрать зерна сильной обжарки. А во-вторых, стоит обратить внимание на помол. Он должен быть мелким. И не нужно молоть его заранее. Делайте это перед каждым заказом. На дно джезвы или

далла насыпьте две ложки сахара и поставьте на огонь. Когда сахар начнет плавиться и приобретет коричневый оттенок, залейте его водой. Как только вода закипит – снимайте с огня и сыпьте кофе. Ни в коем случае не перемешивайте. Снова поставьте на примус. Доведя до образования пенки, уберите на одну минуту. Вот эту последнюю процедуру надобно повторить три раза. Готовый кофе наливайте не процеживая. Вот и весь рецепт.

– Мудрено, – покачал головой официант. – А вы не будете возражать, если мы угостим вас кофе, сваренным по вашему рецепту, но за счет заведения?

– Пожалуйста, – согласился Ардашев.

– Раз так – несите три чашки, – вмешался Нижегородцев. – С минуту на минуту к нам подойдет еще один господин.

– Не извольте беспокоиться, – склонился в вежливом поклоне официант и тут же скрылся за коричневой дверью кафе.

Не успели карманные часы присяжного поверенного проиграть популярную опереточную мелодию, как тут же возник невысокий мужчина с брюшком, по виду – ровесник Ардашева. Годы выели у него на лбу довольно приличную залысину, окруженную остатками когда-то пышной шевелюры. Прямой, немного расширенный нос почти не бросался в глаза. Заметные мешки под глазами свидетельствовали либо о больных почках, либо о вредной привычке работать по ночам.

Николай Петрович поднялся и представил незнакомца:

– Куприян Савельевич Стильванский, мой старинный приятель. А это Ардашев – Клим Пантелеевич, – врач широко улыбнулся, – и тоже мой старинный приятель. Так что будем, господа, наконец, знакомы.

После рукопожатия гость занял место за столиком. Вездесущий официант подал три чашечки ароматного напитка с легким, пахнущим карамелью дымком. Работник кафе терпеливо ждал, пока привередливый посетитель снимет пробу.

– Вот теперь другое дело, – удовольствовался Клим Пантелеевич.

– Хозяин велели поблагодарить вас. Они также изволили передать, что кофе для вас и ваших друзей теперь всегда бесплатный.

– Спасибо, любезный, спасибо.

– Жаль только, что завтра мы выбываем в Кисловодск. Так что вашему заведению разорение не грозит, – пошутил Нижегородцев.

– Вы съезжаете? – переспросил Стильванский.

– Ну да, – подтвердил присяжный поверенный. – На Ессентуки-17 и щелочные лепешки я уже смотреть не могу. А погружаясь в целебную грязь, каждый раз чувствую себя родственником тех несчастных существ с пятачком вместо носа, которых закалывают на Пасху. Да и Цандеровский институт навевает далеко не лучшие воспоминания.

– Вот именно об этом я и хотел бы с вами переговорить, – Стильванский сделал глоток из крохотной чашечки, крякнул от удовольствия, вытащил папиросу, и, вставив ее в янтарный с золотом мундштук, прикурил. – Собственно, это и заставило меня обратиться к вам, уважаемый Клим Пантелеевич. Я, как вам уже поведал мой коллега, заведую отделением для умалишенных в Хлудовской больнице. Совершенно случайно я прочел в газете, что во вторник, 27-го числа, произошло убийство в Ессентуках. И там была найдена карта – червовый валет. А четырьмя днями ранее один из моих тяжелобольных пациентов нарисовал вот это, – он достал из внутреннего кармана пиджака свернутый вчетверо листок веленевой бумаги и развернул его: красным карандашом была выведена буква «В», чуть выше – череп и две перекрещенные костяшки. Художества оставляли желать много лучшего и действительно напоминали либо руку ребенка, либо мазню безумца.

– А вы уверены, что этот рисунок сделан именно до убийства, а не после? – усомнился Ардашев.

– Безусловно! Мы же ведем журнал наблюдений за пациентами и скрупулезно отмечаем их поведение в течение суток. Запись об этом рисунке сделана именно 23 июня – в пятницу. – Нервно попыхивая папиросой, медик продолжил: – Само собой разумеется, я стал просматривать хронику его поведения и вот что отыскал: на Петров Пост 6 июня, то есть за два дня до смертоубийства, в

Цандеровском институте он нарисовал вот что… – Словно факир он вновь извлек такой же сложенный лист и положил на стол. На нем красовалась цифра 10 и красное сердце, пронзенное стрелой. – Что скажете?

– Интересно и даже загадочно. Однако я по собственной инициативе убийства не расследую. Мне приходится делать это только для оправдания своих клиентов, ошибочно обвиненных в совершении преступлений.

– Да-да, я читал об этом. Но я готов оплатить вам все ваши услуги по раскрытию этой тайны. Или, если хотите, как врач, я прошу вас защитить моего пациента, на которого упадет подозрение если не в самих злодеяниях, то, по крайней мере, в соучастии, стоит мне сообщить об этом в полицию. А я, как вы понимаете, обязан это сделать. Больше того – весь медицинский состав может оказаться под следствием. Любому же ясно, что без помощи сторожа, служащих, надзирателей или врачей умалишенный не сумел бы покинуть больничных стен. Выходит, кто-то ему помогал? Но кто и зачем? А что, если тут чей-то посторонний сговор и нас хотят опорочить? Да только от одной этой мысли кровь в моих жилах стынет, точно при стоградусном морозе. Поверьте, я очень дорожу репутацией больницы и потому прошу вас, уважаемый Клим Пантелеевич, отыскать истину. А деньги, деньги я приготовил. – Психиатр выудил из бокового кармана плотно набитый конверт и положил на стол. – Здесь три тысячи рублей. – Слегка смутившись, он добавил: – Я, естественно, понимаю, что сумма не бог весть какая. Я слышал, ваши гонорары несравненно выше…

– Не будем вдаваться в обсуждение моих доходов, – прервал врача присяжный поверенный. – Хорошо. Я возьмусь за расследование этого дела. Однако заранее ничего не обещаю, поскольку, как вы понимаете, я прибыл сюда отдыхать и нахожусь на водах вместе с женой. – Клим Пантелеевич на миг задумался. – Да, и вот еще что: а вдруг окажется, что злодеем является кто-то из вашего окружения? Тогда как? – Ардашев посмотрел на Стильванского таким пронзительным взглядом, что последний невольно втянул голову в плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Доброе утро (англ.). (Здесь и далее прим. авт.)

2

Доброе утро. Рад с вами познакомиться (англ.).

3

Вам никогда не доводилось бывать в Штатах? (англ.)

4

Нет, никогда. Но несколько лет назад у меня были некоторые дела с вашими соотечественниками из Сан-Франциско. Кстати, меня зовут Клим Ардашев. Я адвокат (англ.).

5

Очень приятно. Я Николас Браун. Позвольте представить вам мою супругу Эмили (англ.).

6

Откровенно говоря, мне еще не приходилось встречать русских, так великолепно говорящих на английском (англ.).

7

Благодарю вас, мадам (англ.).

8

Надеюсь, мы скоро увидимся (англ.).

9

Зеркальная карта, или «зеркалка» (жарг.) – карта, не входящая в колоду, но имеющая точно такой же крап; полируется материей до зеркального блеска. В нужный момент она вытаскивается из левого рукава и кладется вниз. Таким образом, держа колоду в левой руке и сдавая карты, можно видеть их отражение. Чаще всего этот прием используется во время игры в «Двадцать одно».

Своя (жарг.) – карта погружается в поташ, затем выносится на холод и там сохнет. В результате она становится плотной и упругой, а также совсем немного увеличивается в размерах, что, между тем, почти незаметно. По виду «своя» ничем не отличается от остальной колоды. В нужный момент, например, перед снятием, шулер незаметно запускает ее в колоду. «Фофан» перед раздачей невольно сдвигает колоду как раз по «своей» – что и было необходимо, т. к. под ней уже заготовленные при тасовке нужные карты.

Купить: https://tellnovel.com/lyubenko_ivan/ubiystvo-na-vodah

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити